

Шарф

- Одень шарф!

- Ну конечно мама, - Миша остановился у самой двери, не торопясь повернулся и демонстративно намотал на шею, несколько колец длинного шарфа, - ну как?

- И не задерживайся вечером, - голос мамы заметно потеплел и она одними глазами мягко улыбнулась.

На улице он быстро снял с шеи шарф и затолкал его в спортивную сумку, где уже лежал футляр с саксофоном, небольшой альтушкой. Затем он забросил сумку за плечо, сунул руки в глубокие карманы “Аляски” и лёгким шагом отправился на автобусную остановку. С лета Миша стал носить саксофон в сумке. Однажды в след себе он услышал диалог двух пролетариев, мирно попивавших пиво на куче дымящегося асфальта. Эти двое неотрывно смотрели на кожаный футляр с инструментом и когда Миша поравнялся с ними, чумазый, щетинистый мужик в рабочем оранжевом жилете, бурно высморкавшись в рукав, просвистел лёгкими:

- Любка, глянь, если мальчику со скрипкой платят деньги, на хрена ему работать мальчиком с лопатой!?

- Эт-точно Макарыч! - Любка захохотала, раскатистое эхо заблудилось между типовыми многоэтажками.

Около бочек с битумом судорожно икал двигателем старенький каток-асфальтоукладчик, к нему верёвкой был привязан закопченный транспарант: “Ни грамма потерь, ни минуты простоя!”

Под ногами весело скрипел снег, выпавший прошлой ночью и не успевший превратиться в грязную жижу, идти было легко и приятно. Издали Миша увидел, как на красный свет у перекрёстка затормозил угловатый автобус. Он побежал, перепрыгивая через небольшие сугробы и успел вскочить на подножку задней площадки до того, как тяжёлые жёлтые двери разочарованно захлопнули пустоту.

Его сконструировали и собрали на засекреченном подземном заводе Военно-Промышленного Комплекса СССР. И уж конечно никто не собирался строить пассажирский автобус. Однажды в абсолютно трезвую голову одного из конструкторов пришла гениальная идея. Смысл её заключался в том, что вместо сбрасывания десантников с парашютами по-одному, сбрасывать их уже в готовом спецсредстве. Иначе говоря сбрасывать с парашютом спецсредство наполненное живой силой. Таким образом на вражеской территории у десантников имелось надёжная машина, с помощью которого можно было успешно выполнять поставленные командованием тактические задачи повышенной сложности. Ко всему ещё сэкономились деньги на дорогостоящие парашюты. В общем у идеи было множество достоинств, она была принята и утверждена на самом высоком уровне. Проект получил секретное название “Крылатый Медведь” и работа закипела. Генералы взялись осваивать средства, конструкторы и дизайнеры за логарифмические линейки и калькуляторы, чертёжники за карандаши и лекала, сварщики за электроды, слесаря просто за дело. Через шесть месяцев были намечены первые полевые испытания, их собирались приурочить к 110-летию со дня рождения русского учёного-самоучки К. Э. Циолковского. И действительно в середине 1967 года,

экспериментальный “Крылатый Медведь” прошёл испытания на закрытом полигоне в районе Тиманского Кряжа. Результаты испытаний были признаны удовлетворительными. Сам Медведь приземлился без каких-либо технических проблем, слегка помяв плоский капот, а вот пристёгнутые к сидениям ремнями безопасности манекены из папье-маше, превратились в праздничные конфетти.

На повторное испытание решили пригласить добровольцев-десантников, из числа кандидатов в члены коммунистической партии. Желающих не нашлось. “Медведь” пролежал на полке 5 лет, а затем всю техническую документацию и экспериментальный образец передали в дар Лукинскому Автобусному Заводу. Там силами местных инженеров и конструкторов проект был переработан и вскоре с заводских конвейеров с завидной регулярностью стали сходиться желтобокие пассажирские автобусы.

- Граждане пассажиры, - пролаял охрипший динамик, - следующая остановка Площадь Ильича, своевременно оплачивайте проезд, компостируйте... - никто даже не шевельнулся и динамик решил не продолжать. Граждане пассажиры в основном дремали на протёртых дерматиновых сидениях. На задней площадке толстый прапорщик с тугим, как полковой барабан животом, вяло беседовал с участковым, старшим лейтенантом Зубовым. Миша вспомнил, как года четыре назад, когда пацаны всего района играли в индейцев на заброшенной стройке, туземец Боря по-прозвищу “Быстрая Стрела”, точным выстрелом из самодельного лука, попал в участкового Зубова, который забрёл на стройку по малой нужде. Индейца Борю поставили на учёт в детскую комнату милиции, а участковый получил кличку-Моше Даян, внеочередное воинское звание и инвалидность, но со службы не уволился. Чёрная повязка по-пиратски закрывающая левый глаз, напоминала о подвиге милиционера. Его доблестная фотография с подписью: “Герои Среди Вас”, уже который год украшала доску почёта РОВД.

Напротив памятника Вождю Мирового Пролетариата В.И.Ленину, автобус сильно тряхнуло, компостеры жадно щёлкнули стальными челюстями, а несколько несознательных граждан, спросонья вслух вспомнили маму. Зубов вдруг выразительно замолчал, официально насупил, прищурил единственный глаз и стал внимательно вглядываться в сонные лица пассажиров. А между тем, чудо отечественного автостроения, посвистывая рессорами и покачиваясь из стороны в сторону могучими боками, ползло дальше. Было очевидно, что до планового капремонта чудо не дотянет. Миша покрепче ухватился за поручень и оглянулся, ему показалось, что грустный Вождь машет в след автобусу гранитной кепкой.

Разбуженный тряской пенсионер зевнул так, что стало видно отсутствие нижних зубов мудрости, тряхнул головой прогоняя сон и включил транзисторный приёмник: “... Выходит в свет книга Константина Устиновича Черненко “По пути совершенствования развитого Социализма”. В ней утверждается, что в СССР имеется новая общность людей - советский народ, построено новое общество: бесклассовое, без антагонизмов, без пороков капитализма. Социализм - развитой, необходимо его только совершенствовать, чтобы подойти к коммунистической фазе...”

Пенсионер сверкнув стальными клыками опять зевнул и выключил радио.

До Революции главным городским транспортом была конка, затем её сменили трамваи и троллейбусы. Со-временем оказалось, что прокладывать трамвайные пути или троллейбусные линии было делом дорогим и хлопотным. Кроме того рельсы и тролли требовали постоянной профилактики и ремонта, а с этим бесконечно возникали “временные трудности”. Именно тогда королем советских дорог стал автобус. Вообще-то слово “пассажирский”, этому транспортному средству с женственным именем ЛуАЗ подходило так-же, как слово “Социалистическая” к Советской Республике Туркмения. Всё, что в автобусе было пассажирского, это хищные компостеры, плотноядно улыбающиеся с обшарпанных стен, да просиженные до поролон сидения вдоль мутных окон. Труженик проспектов и улиц пыхтел на поворотах и скакал по ухабам, печка едва обогревала себя, лампочки не светились, их вовсе не было. Автобус был рассчитан на сто-двадцать пассажиров, но в час пик, поступившись классовой гордостью, в него набивалось до двухсот рабочих, колхозников и государственных служащих. Их швыряло по сторонам, подбрасывало на колдобинах и трясло на рытвинах, они с надеждой хватались за свисавшие с потолка поручни. Это парадокс, но граждане пассажиры полюбили ЛуАЗ, прикипели сердцем к его угловатым бокам и за высокие показатели по вместительности, ласково прозвали- Скотовоз.

“Следующая остановка Планетарий”- откуда-то с потолка, пробурчал раздражённый голос. В центре салона растрёпанного вида человек в замусоленной расхристанной телогрейке, громко разговаривал с мальчиком, испуганно вжимающимся в стенку:

- Ты-ж уже восьмилетку закончил, а плюс от минуса отличить не можешь... От жеж наследничка бох послал...

Мальчик виновато опустил глаза, автобус вздрогнул на выбоине, в руках отца звякнула авоська с бутылками. Он приоткрыл форточку, в салон влетело несколько снежинок, они судорожно заметались и растаяли в его огненном дыхании.

- Значит так, - мужа насупил брови, - ща бутылки здам и поведу тя в Пролетарий, а то жизнь пройдёт, так ни разу пингвинов и не увидишь...

Между тем гордость автопарка с одышкой выполз на Улицу Воровского, здесь его маршрут пролегал мимо местной тюрьмы, больше известной, как “Академия”. Раньше это серое трёхэтажное здание было за за городской чертой, но город рос и теперь эки проживали в самом престижном районе. На облезлой стене тюрьмы висел авангардный транспарант: “Заключённые! Пятилетку в три года!” Из зарешеченных окон открывался дивный вид на ресторан “Советская Украина”. Над центральным входом в учреждение общественного питания четвёртой наценочной категории, нервно мерцал розовым неоном, знаменитый на весь мир клич: “РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС В Ж...”, несколько последних букв даже не вспыхивали.

Район Химкомбината пользовался дурной славой, поэтому автобус собравшись лошадиными силами пролетел остановку, даже не притормаживая. На фасаде административного здания, мозаикой ядовито-зелёного цвета, были выложены дорогие каждому химику слова: “ШИРЕ ДОРОГУ БОЛЬШОЙ ХИМИИ!” Химкомбинат им. Таблицы Менделеева, снабжал суперфосфатными удобрениями дружеские развивающиеся государства и братские соцлагеря. Над

комбинатом не летали птицы, вокруг него не росли кусты и деревья, не росла даже трава, а вот сорняки наоборот, цвели и плодоносили, причём круглый год. Проработав на комбинате несколько лет, трудящиеся начинали обладать удивительным свойством, они светились ночью фиолетовым оттенком. Ярче всех светились директор, его жена и главный бухгалтер комбината, вместе с ними весь отдел кадров, затем научный отдел, начальники цехов и участков, рабочие, грузчики и даже водители. О этом феномене свечения однажды рассказывал в передаче “Невероятное-Очевидное”, шепелявый мужик с очень подвижным лицом. Он твёрдо обещал, что если наша химическая промышленность и дальше будет развиваться такими-же темпами, то к концу тысячелетия, каждый житель страны будет видеть ночью, как днём; таким образом повысится производительность труда, а экономика станет ещё экономней. Территория вокруг комбината тоже изобиловала странностями. Поговаривали, что вдоль забора там бегают свирепые сторожевые хомячки, а некоторые люди видели, как возле бассейна, в обнимку разгуливали два индийских слона. Кстати именно здесь родилась известная поговорка: “СССР - Родина Слонов”. В киоске возле проходной, можно было без всякой записи купить двухтомник “Краткий справочник по домашнему слоноводству”.

Дальше следуя маршруту автобус кряхтя въехал на Площадь Победы. Здесь был расположен знаменитый на весь город, недоступный простому-смертному магазин “Ветеран”. По законам развитого социализма “с человеческим лицом”, раз в месяц участникам, ветеранам и инвалидам войны, по-предъявлению специальных талонов и удостоверений, полагался продуктовый паёк. Как правило это были продукты, которых не было в обыкновенных магазинах. Здесь были давно исчезнувшие с полок гастрономов майонез и зелёный горошек, лимоны и гречневая каша, подсолнечное масло и сгущённое молоко, а дважды в год даже тушёнка. Сразу-же за магазином, устроив стихийный рынок, ветераны этим пайком и торговали. Вырученные деньги были существенной помощью к мизерной ветеранской пенсии. Последнее время в очередях за дефицитом стали появляться и молодые люди-участники Афганской Войны, они обычно не торгуясь, сразу меняли свой товар на жидкую валюту- водку. Раз в квартал ветеранам также предлагали на выбор турецкое мыло или болгарский шампунь, чешские капроновые колготки или китайские зонтики, югославские туфли на платформе или румынские плащи. В длинной, как линия обороны Маннергейма очереди за дефицитом, Миша узнал своего соседа, пожилого инвалида войны.

Как-то раз в их двор с шумом и грохотом, размалывая гигантскими гусеницами остатки асфальтированной дороги, въехал огромный бульдозер. Дымя в атмосферу чёрной копотью он остановился напротив единственного во дворе гаража и громко загудел. На гудок вышел сосед, хозяин гаража. Увидев его, бульдозер заговорил человеческим голосом:

- По-постановлению Жилищно-Эксплуатационного Управления и лично товарища Грызюка, получено письменное распоряжение снести гараж с незаконно занятого...

- Я тебе сейчас покажу незаконно занятого! - задыхаясь от едкого дыма закричал ветеран!

Бульдозер угрожающе завибрировал, из его трубы в небо взметнулся вулкан пепла. Тем временем ветеран опираясь на костыль, обошёл монстра, стал спиной к гаражу и хрипло крикнул:

- Дави гад! Только вначале скажи, где твой Грызюк был в Отечественную? Я за этот гараж ногу в танке оставил!

- Но ЖЭУ... - обиженно промямлил бульдозер.

- Что-то я не помню что-бы ЖЭУ под Керчью кровь проливало!

Бульдозер ещё немного подрожал, затем сбросил обороты и окончательно испортив воздух ретировался задним ходом.

- Может я по-твоему и Бухарест незаконно занял? - кричал ему вслед старый, одноногий солдат. Через десять минут к дому подъехала скорая помощь и увезла держащегося за сердце ветерана. Его не было два месяца, а потом он появился опять. Заметно похудевший, ссутулившийся, он целый день сидел на лавочке возле парадного и усталыми бесцветными глазами равнодушно смотрел по-сторонам. После инфаркта водить автомобиль ему запретили врачи.

Старенький Запорожец с рулевым управлением, пришлось подарить племяннику. В гараже остались несколько запасных колёс, ржавый велосипед и бамбуковые удочки.

Выйдя из автобуса Миша решил немного пройтись, до начала урока в музыкальной школе оставалось ещё добрых сорок минут. В воздухе пахло Новым Годом, любимым праздником советского человека и единственным не связанным с диктатурой пролетариата. За стёклами витрин магазинов уютно устроились красноносые Дедушки Морозы и плутоватые Снегурочки. Полёт творческих фантазий тружеников советской торговли был безграничен. В витрине военторга, Дед Мороз был одет в полковничью шинель, его седые брови срослись над переносицей, в качестве подарка от него можно было ожидать строгий выговор с занесением в личное дело, но никак не конфеты и печенья. А вот Дед Мороз из Спорттоваров наоборот отличался подтянутостью и молодцеватостью. Его немного портила маска хоккейного голкипера из под которой в разные стороны, ключьями торчала белая борода, но зато трамплинные лыжи, которые он прижимал к молодцеватой груди, говорили об отменном здоровье народного любимца. У Деда Мороза из салона красоты имени Клары Цеткин, были длинные ресницы и вызывающе яркий маникюр, а румяная Снегурочка из общепита, напоминала огромную кастрюлю борща со сметаной. Между витринами, в поисках новогодних деликатесов, хищно сновали хозяйки. Их безразмерные авоськи*, тускло поблёскивали плоскими дисками рыбных консервов- пучеглазые кильки, равнодушный хек, глуповатые бычки... На необитаемом прилавке магазина под звучным названием "МЯСО", сиротливо висел ценник: "Котлеты из гов. – 1 руб. 46 коп."

*Авоська- сумка изготовленная из капроновой сетки, которую можно носить в кармане, на случай если авось что-то, где-то будут продавать, и если достанется, то будет в чём нести покупку (Советский Язык)

На противоположном берегу реки возвышалось здание покрытое потрескавшейся жёлтой штукатуркой. Это был психоневрологический диспансер, ласково прозванный горожанами- психдача. Учреждение

специализировалось на лечении больных с алкогольной патологией, но не брезговало и врагами народа. Диспансер пользовался популярностью как у своих, так и у иностранцев. Однажды его даже упомянули в одной из передач “Голоса Америки”. До империалистов дошёл слух, что в психдаче содержится человек, имеющий неопровержимые сведения о том, что никакого полета собак Белки и Стрелки не было. Вместо них в космос запустили двух эков Белкина и Стрелкина. На Землю космонавты не вернулись, так как отравились ракетным топливом, приняв его по-роковой ошибке за технический спирт. Их посмертно амнистировали и только после успешного приземления второй пары заключенных- Уголькова и Ветеркова, стал возможен запуск в космос легального космонавта, Юрия Гагарина.

Миша вышел на берег, покрытой льдом реки. Над матовой поверхностью льда возвышалась, севшая на мель ещё во время НЭПа, огромная баржа. На ней, с того самого времени и до почти наступившего Развитого Социализма, проживало уже третье поколение бомжей. На боку, сквозь грязь и ржавчину, проступало гордое название судна- “Василий Иванович Чапаев”. Подойдя чуть ближе, Миша узнал, уютно разместившихся на ржавой палубе, нескольких известных городских бездомных. Они были одеты в засаленные ватники и пританцовывая грелись у костра, двое между собой оживлённо переговаривались. Один сидел в стороне на проволочном ящике из под молочных пакетов и не отрываясь смотрел в одному ему видимую точку. Миша невольно стал свидетелем “светской беседы”:

- ... Я не грустный, я трезвый ... - потирая руки над огнём, проговорил видимо в ответ, смуглый мужик по-прозвищу Шахтёр. На барже он обитал в-основном зимой, на лето он куда-то исчезал, но всегда возвращался.

- Вот ты Шахтёр, какое вино любишь? - неожиданно сменил тему крупный, бородатый мужик по-кличке Доктор.

- Предпочитаю пшеничное... - не задумываясь ответил Шахтёр.

- Ну ты пижон! - зацокал языком Доктор.

О нём ходило несколько разных историй. Самая правдоподобная была связанна с НЛЮ.

***

Однажды, в начале сентября 1977 года, хирург Николай Семёнович Глушко, не вышел на работу. Все сразу поняли- произошло что-то серьёзное, до этого дня, он ни разу за всю свою трудовую биографию, не пропускал любимую работу, даже не болел. Забегали все одновременно: мама- старая эсерка, неизвестно каким чудом выжившая в революционной мясорубке, молоденькая красавица-невеста, студентка последнего курса медицинского вуза, главврач и по-совместительству парторг областной больницы, где трудился доктор Глушко, подполковник Морин, и конечно-же дворник Аслан-Заде Болсунбекович Нарзалиев, которого сокращённо называли Нарзан. Выяснить ничего толком не удалось. Нарзан видел и даже поздоровался с доктором, когда тот будним утром, бодрым шагом, отправлялся на автобусную остановку. Потом допросили киоскера, тот подтвердил, что доктор, как обычно купил газету и действительно направился к автобусной остановке. Нет, пьяным он не

был, других странностей он тоже не заметил, всё как всегда... На этом нить обрывалась, на работу Глушко так и не доехал. Доктора вроде-бы вспомнил шофёр рейсового автобуса Марченко, но на сто процентов он уверен не был, из-за того, что кануне широко праздновал юбилей своего шурина. Когда же следователь показал водителю увеличенную паспортную фотографию Глушко, тот без сомнений узнал в ней того самого юбиляра-шурина, чем напустил ещё больше тумана на горожан и оперативников. Не растерялся только парторг Морин, он со всей партийной принципиальностью, авторитетно заявил, что скорее всего Глушко сбежал на Запад, вывезя с собой секреты передовой советской хирургии, и вскоре мы услышим о нём по голосам вражеских радиостанций.

Время шло, подрывные радиоголоса молчали, тем самым подтверждая версию Морина, мать-революционерка считала исчезновение сына проделками Абакумова, красавица-невеста томилась бессонницей в холодной постели. Нарзан к исчезновению жильца относился по-философски, мол всё само собой образуется, на всё воля Аллаха и пророка его Магомета. Глушко не появлялся. Прошло почти две недели. Его неожиданно узнал, одиноко сидящим на автобусной остановке, водитель автобуса Марченко, и не мешкая позвонил куда следует. Откуда следует прислали "рафик" с группой захвата. Те, со-знанием дела, быстренько доставили оказавшего вялое сопротивление хирурга, в отделение. Дальше-больше. Доктор Глушко, был одет в тот самый костюм и галстук, что на нём был в то утро, когда он исчез. Он был чисто выбрит, благоухал дефицитным "Дзинтарсом", а из подмышки у него торчала газета двухнедельной давности. Пропали только очки, но они ему были больше ни к чему, его близорукость исчезла вместе с ними. Николай Семёнович вел себя так, будто-бы этих двух недель исчезновения его из жизни вовсе не было, будто он только что, ну минут двадцать назад, вышел из дома и направился я на работу. Его действительно немного удивили устаревшие "Известия", но и этому нашлось простое объяснение- киоскер подсунул старый номер, а он не и обратил внимания, бывает... А то, что его помнит водитель автобуса, так это проще-простого, он его тоже помнит, ведь добирается на работу этим маршрутом уже четвёртый год. Вобщем ни милиция, ни КГБ, ни партком, ни гипнотизёры психоневрологического диспансера, ни старая революционерка-мать, ни красавица-невеста, не смогли докопаться до истинны, поговорили с месяц и забыли. Вот только подполковник Морин не терял бдительности. Каждый раз проходя мимо застеклённой операционной, он на несколько минут останавливался и не моргая вглядывался в сосредоточенное выражение лица хирурга, в странное автоматическое движение руки, время от времени поправляющей несуществующие на переносице очки.

Вскоре, близкие к Глушко люди стали замечать перемены в поведении доктора, он перестал читать газеты, стал разговаривать с собой, похудел, иногда его взгляд надолго замирал в небе. Началось всё вечером конце сентября, во время ужина по радио передали следующее объявление: "...Сегодня включен в сеть базовый турбогенератор №2. Чернобыльской АЭС! Руководство атомной электростанции, планирует выработать 100 миллиардов киловатт-часов электроэнергии к 1984 году!..." Услышав это, доктор вскочил и нервно заходил по комнате, вздохмачивая руками густую шевелюру. Он ходил минут

пятнадцать, разговаривая с радиоточкой: "... этого не может быть... нужно всё хорошенько понять... реактор... четвёртый энергоблок..." Мать не на шутку испугалась вглядываясь в его сверкающие глаза:

- Коленька, мальчик мой, что случилось?

- Мама, я должен тебе всё рассказать... У меня был контакт... Я общался с гуманоидами... - из рук матери выпал стакан воды, - я даже был на их космической тарелке, - хирург закрыл глаза, его лоб покрылся капельками пота, губы мелко задрожали. Было очевидно, что он пытается выкопать из глубин памяти, какие-то очень важные события, - я знаю в это трудно поверить, но это так! Мама, они предупредили нас о великой катастрофе!

- Кого нас, Коленька? - мама подняла на Глушко усталые глаза.

- Нас! Землян! Я больше не могу это скрывать...

Мать плакала. На покрытом паутиной глубоких морщин лице, слёзы оставили две влажные тропинки. Она не плакала когда в 40-м расстреляли её мужа- румынского шпиона. Она не плакала, когда под Курской Дугой погиб её брат- офицер, Красной Армии. Последний раз она плакала, когда в кремлёвском гараже, доблестный комендант Кремля Мальков, расстрелял её подругу, правую эсерку Фанню Ройд, больше известную под фамилией Каплан.

Николая Глушко месяц допрашивали в местном КГБ, но кроме того, что нельзя открывать реактор четвёртого энергоблока Чернобыльской АЭС, который существовал ещё только в чертежах и был покрыт броней тайн, толщиной с лёд на Северном Полюсе, они ничего не добились. Никто и слушать не хотел о инопланетянах, а о том, что-бы докладывать о них вышестоящему руководству, даже и речи не было. Семь месяцев Николай находился, на принудительном лечении в одноместной палате психиатрии. Только однажды к нему пустили мать. Она пришла прощаться:

- Коленька, я тебе верю! Я знаю как важно, что бы тебе кто-то верил! И помни сынок- нужно бороться за каждый кусочек той правды, что ещё осталась в этом мире, а то вообще ничего не останется! Это всё инсинуация НКВД, что правды нет, есть угол зрения. Правда существует, её не нужно видеть или слышать, её нужно воспринимать на подсознании, постигать, а иногда даже чувствовать... Я тебе верю! - повторила она. - Ведь тогда, в августе 18го, мы с Фаннечкой, весь день сидели в библиотеке на Серпуховской, потом я ушла с мамой в парикмахерскую, а её схватили... Знаешь Коленька, она же почти слепая была, лечилась всё время... А тут с первого выстрела, чуть не убила Ульянова. Я Бедному писала, но Демьян тогда сам ещё не прозрел...

На следующий день мама умерла.

Когда Николая отпустили, он первым делом отправился на могилу матери, долго сидел под отцветшей яблоней, глядя на деревянный крест, заботливо установленный неизвестными людьми. Могила матери была усыпана крупными розовыми лепестками. Странно, но на кладбище ему полегчало, прояснилась голова, стало легче дышать. Потом он поехал домой, но не смог открыть дверь квартиры своим ключом. Он до темноты просидел на лавочке у песочницы. Всё стало на свои места, когда из такси выпорхнула невеста. Она поправила юбку на талии, уверенно взяла за руку завкафедрой гинекологии мединститута, давнего приятеля Глушко и призывно потянула его в сторону парадного подъезда. Ту ночь доктор Глушко провёл в полуподвальной квартире

Нарзана. Аслан-Заде Болсунбекович хвастался удачливыми внуками, хирург невольно кивал. На следующий день он отправился на работу. В фойе больницы его остановил гардеробщик дядя Тимофей и позвал парторга Морина. Тот поздоровался, вальяжно кивнув подбородком и повёл его в свой просторный кабинет. Над столом Морина висел портрет Феликса Дзержинского на фоне короткого, как выстрел в упор, призыва: "Бди!" Беседа не продлилась и трёх минут. Выскочив из кабинета, доктор сильно захлопнул за собой дверь. Затем появился Морин:

- Вы диверсант и предатель интересов Родины, вам это даром не пройдет! - выкрикнул парторг, а потом перейдя на "ты" добавил, - думаешь мы забыли, кем был твой отец.

- Слушай, полковник, - голос выдал нервное напряжение Глушко.

- До сих пор, я был подполковником!

- А мне всё равно, под кем ты был до сих пор, - ответил ему Глушко, - смотри, быстро станешь у меня Мемента-Морининым!

- Он ещё пугает! Тимофей, звони в милицию!

Товарищ Морин был глубоко уверен в том, что никакого космоса не существует, что всё это коварные проделки сионистов и капиталистов, что-бы у народа выманить трудовые деньги.

Поселился бывший хирург Николай Глушко, а ныне бомж по кличке Доктор на затонувшей барже...

***

Миша уже было собрался уходить, когда неожиданно услышал треск льда и громкий крик: "Мамочка, мамочка моя!" Он не раздумывая побежал по берегу на голос и остановился прямо напротив чернеющей полыньи. Она была метрах в пятнадцати от берега, в ней беспомощно, пытаясь ухватиться за края льда, барахтался человек. Миша на мгновение задумался, потом выхватил из сумки шарф, стал на колени, затем лёг на живот и пополз. У самой воронки он бросил конец шарфа в воду и закричал: "Хватай и держись крепко! Слышишь меня, держись крепко!" Вскоре из воды появилась голова, а затем и всё тело девушки, намокшее пальто тянуло её вниз, тонкий лед ломался под руками. Посиневшими пальцами она крепко держалась за шарф. Миша тянул и медленно отползал назад.

Он вытащил её на берег, с трудом снял с неё тяжёлое пальто, затем взял на руки и понёс в сторону баржи. Девушка обняла его за шею и прижалась к нему всем телом, он почувствовал как дрожат её ледяные руки. Они влетели на палубу и Миша поднёс её прямо к костру. Вскочившие бомжи, с любопытством уставились на них. Миша, как мог аккуратнее усадил девушку на рядом стоящий деревянный ящик, затем снял с себя куртку и накинул ей на плечи. Он ощутил жар от огня и посмотрел на девушку, её посиневшие от холода губы мелко дрожали. Миша присел рядом на корточки, взял её пальцы в свои ладони и стал дышать на них, в её глазах отражался ужас от перенесённого шока. Первым пришёл в себя Доктор:

- Шахтёр, тащи самогон!

- Кол, мы-ж его на Новый Год приныкали ...

- Самогон тащи, сука... - через пол минуты Шахтёр принёс литровую банку сомнительной, серой жидкости. Тем временем Доктор, стащил с девушки сапоги, скупно полил босые ноги самогоном и принялся растирать...

- Растирай, вторую... - кивнул он подбородком Мише. Резкий дух самагона перебил запах дыма.

- Послушай меня, милая, тебя как зовут? - обратился Доктор к девушке.

- Ви... Вика... Виктория.

- Так вот Виктория, сейчас ты выпьешь полный стакан самогона, если не хочешь подхватить пневмонию. И тебе, орёл, тоже надо выпить, - добавил он глядя на Мишу. В эту минуту к ним подошёл Шахтёр, в руках у него было почему-то три гранёных стакана. Доктор ухмыльнулся и ювелирно налил все три под самый верх. Шахтёр махнул не глядя, вытер губы рукавом и смачно выдохнул:

- Хороша, зараза, прям чувствую как все бактерии смела...

- Давай, давай милая... - продолжал уговаривать Викторию, Доктор. Девушка не уверенно взяла дрожащими руками стакан, закрыла глаза и выпила залпом. Было слышно, как о края стакана стучали её зубы. И уже влив в себя последнюю каплю, по-незнанию не задержав дахание глубоко вдохнула и сильно закашлялась прямо на вздохе. Не обращая внимания на кашель, Доктор в тот-же стакан налил себе, чокнулся с Мишей, с тоской посмотрел в космос и не сказав ни слова выпил. Потом он шипя выдохнул и не поворачивая голову обратился к Сычу, который нервно ходил вокруг:

- Павлик, согреться хочешь?

Тот ничего не ответил, лишь едва заметно качнул головой, при этом не отрывая глаза от девушки он что-то яростно нашёптывал одними губами. Миша прислушался, Сыч молился: "...во имя Отца Небесного и Сына Его и Святаго Духа, спаси и сохрани..."

Миша с трудом выпил пол стакана. Остатки, с удовольствием крякнув, допил Шахтёр:

- Тебя пацан как зовут?

- Миша.

- Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка, полная копеек и рублей... - неожиданно красивым тенором, вдруг запел повеселевший Шахтёр, - а малая так ничего, да Мишка?

Через пол часа одежда на Виктории почти полностью высохла, она чуть отодвинулась от огня, но всё ещё не моргая смотрела на пламя, продолжая кутаться в куртку. Доктор подбрасывал поленья в бочку, они весело потрескивали, выплёвывая в горячий воздух лепестки седого пепла. Бомжи закурили.

- Тебе её домой везти надо, - прервал тишину Сыч, обращаясь к Мише, - лучше всего на такси. Деньги есть?

- Десять рублей! - ответил Миша.

- Хватит, - встрял Шахтёр, - ещё на опохмел останется! - он продолжал держать в руках пустой стакан от самогона и время от времени зачем-то нюхал его.

- Пойди слови мотор, а она здесь подождёт, - не обращая внимания на реплику продолжал Сыч.

- Миша, не оставляй меня... - все резко обернулись на голос девушки, она медленно поднялась.

***

Сыч происходил из очень набожной семьи. Его родители, старшая сестра и братья слепо верили, как того требовали каноны святой церкви и пастор их маленькой общины. Павлик сомневался с раннего детства. Как не старался пастор отец Андрей, следуя святым словам Спасителя: "Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состареет...", на путь истинный Павлика наставить у него не получалось. И хотя мальчик знал все молитвы и псалмы, не было в его глазах божьей искорки, сокрушался священник.

Путь Павла Сычёва от рядового сперматозоида к венцу эволюции был долог и тернист. Его не крестили после рождения, из-за принадлежности семьи к баптистской ветви протестантского христианства. Сам себя он помнил с того дня, когда стал мечтать о велосипеде. Павлик мечтал и молился! Он усердно просил Господа о велосипеде, его молитвы оставались без ответа. Он обещал Отцу Небесному хорошо учиться, регулярно посещать Дом Божий, креститься чуть ли не в ближайшие выходные, не убивать и даже не прелюбодействовать. Господь был глух. Тогда, прикинув все за и против, Павлик решил, что концепция Бог-Мальчик-Велосипед, работает иначе. В-общем он украл велосипед из подворотни соседского дома и стал молиться о прощении. Его вычислили на третий день. Сначала его избili соседи у которых он украл велосипед, затем старшие братья, потом его крепко высек отец. Он просил прощения и молился. Спаситель не заступился... Павлик замкнулся в себе, он перестал ходить на еженедельные евангельские учения, стал пропускать воскресные проповеди. Вначале его просили, уговаривали, запугивали гневом Божьим и отлучением, затем махнули рукой...

А между тем, в Средней Школе №.13 Павлик делал успехи, особенно ему нравились и легко давались, естественные науки. После уроков он часами просиживал в поселковой библиотеке, где увлечённо изучал биологию и зоологию по учебникам старшеклассников. Ночами, прячась от родителей и братьев, Павлик зачитывался Джеком Лондоном. К четырнадцати годам, он оставался единственный в семье, да и во всей общине, кто не принял крещение. После окончания восьмилетки Павел Сычёв поступил в Ветеринарный Техникум имени Чарлза Дарвина, на факультет зоотехники. Техникум находился в соседнем городке, при учебном заведении имелось общежитие, куда Павлик и переехал. Учился он с удовольствием, занятия не пропускал, стал вегетарианцем, за отличную успеваемость получал повышенную стипендию. После окончания техникума его направили работать в городской зоосад, помощником ветеринара. Работа ладилась, животных он любил, те отвечали ему взаимностью. Павлик снял комнату в домике у сторожа, буквально за оградой зоосада. Иногда по-просьбе директора, он приглядывал за больными животными по-вечерам или в выходные. А ещё он подружился с ветеринаром, Яковом Феликсовичем Гурвичем, а тот в свою очередь проникся к смышлёному юноше и даже открыл ему тайну: оказывается можно научиться понимать язык

животных, ближе всех к человеческому- диалект белок. Надо сказать, что Яков Гурвич, был человек пьющий, хоть и не запойный. Когда он бывал трезв, то пытался давать парню уроки, но способностей к языкам у Павлика не было, а через пол года его и вовсе забрали служить в доблестный стройбат Советской Армии.

Советская Власть, не признававшая чужих богов, жестоко обошлась со семьей Сычёвых. Когда Павлик вернулся из армии, все его братья отбывали длинные сроки по загадочным статьям на самом краю, обширной географии СССР. Отец медленно высыхал от тревоги и тоски, а потом тихо умер во сне. Мать почти оглохла, её руки сильно тряслись, за покосившимся домом приглядывала рано состарившаяся сестра. Павлик отдал ей заработанные за два армейских года 600 рублей, она испуганно взяла деньги, потом заплакала и перекрестила брата.

Павлик, как был в военной форме, вернулся в город. Первым делом он поехал навестить Якова Феликсовича. Дверь ему открыла румяная тётка:

- Вы до Гурвичей? Записывайся ты солдатик, воны до Израилю поихалы. И Яша и мама ихняя, але таки добри люди- собаку нашего выликувалы! А ты Павло?

- Да...

- Так Яша тоби посылочку зальшив, зачекай тут... - и она исчезла в глубине квартиры. Через несколько минут тётка вернулась и передала Павлику, завернутый в плотную бумагу пакет, - Борщыку с чесночком хочешь?

Павлик развернул пакет на скамейке у ограды зоосада. В нём была короткая записка и потрепанная временем книга: А.С.Пушкин "Сказка о царе Салтане". Павлик открыл её наугад:

"... Ель в лесу, под елью белка;

Диво, право, не безделка -

Белка песенки поет

Да орешки все грызёт.

А орешки не простые,

Все скорлупки золотые ..."

Обратно в зоосад Павлика не взяли, место было занято, зато сторож, который раньше сдавал ему комнату обрадовался, увидев старого знакомого. Павлик рассказал ему обо всём, тот достал из записки полулитровую бутылку водки.

- Я не пью, дядя Серёжа, - отказывался дембель.

- А что здесь пить, - искренне удивился сторож, - её вдохнуть и нету...

- Всё равно не буду!

- Некрасиво это, не по-людски как-то, отца родного не помянуть...

Они быстро выпили бутылку, закусив вкусным ржаным хлебом, от сала Павлик отказался, дядя Серёжа удивлённо пожал плечами, но не настаивал. Затем Павел ещё два раза бегал в гастроном за водкой и папиросами. Он ушёл под утро. Ходил вокруг зоосада пока его не задержал военный патруль. По-началу он получил пять суток ареста за нарушение формы одежды, свою дембельскую фуражку он подарил сторожу в знак вечной дружбы. Потом какой-то любопытный лейтенант из комендантского взвода, нашёл за обложкой военного билета Павла Сычёва, письмо с вражеским адресом... Павлика ещё толком не протрезвевшего, привезли в особый отдел при гарнизоне. Там его неторопливо

и скрупулезно допросил пожилой майор с битым оспой лицом. Павлик выпил подряд два стакана холодной воды, немного пришёл в себя и всё обстоятельно объяснил. Как следователь ни крутил, под "предательство Родины" Павлика подвести не получалось. А жаль, ему так хотелось ему уйти на пенсию героем. Отсидев положенный срок, Павлик отправился в военкомат, встал на учёт, сдал военный билет и получил паспорт.

Переночевав у сторожа, на следующее утро он устроился работать в трамвайное депо имени главы якобинцев, Максимилиана де Робеспьера! На бетонном заборе вдоль трамвайного полотна, красной краской под трафарет, был написан лозунг: "Все пути ведут в Коммунизм!", под ним была прибита фанерная табличка: "По путям не ходить!" Если сказать, что в депо много пили, то это будет чудовищным приуменьшением. В депо безмерно много пили: сразу после зарплаты- водку, после аванса- самогон, ближе к концу месяца перегоняли тормозную жидкость. Ходили непроверенные слухи, что кладовщик попивает даже кислоту из аккумуляторов. Дружный коллектив с пролетарским энтузиазмом взял шефство над молодым человеком. Через пол года его уже нельзя было отличить от остальных работников депо, хотя нет- он продолжал отказываться от мяса, чем ввергал коллег в классовые сомнения. Павлик, как все- пил, как все- раз в неделю ходил в баню, как все- спал в вагонах в рабочее время, как все- таскал брёвна на субботах, как все- пел в хоре, а вот мяса не ел!

В этом городе не плодоносили даже дубы, не было калорийных желудей, а о сладких каштанах, помнили только седых старики. Одно время колонию белок подкармливал один сумасшедший-двуногий, он приносил им арахис, семечки, а однажды даже кедровые орешки. За это старейшина племени Тсовх, обучал его наречию. Потом двуногий уехал в страну пальмовых белок и с продовольствием стало плохо. Белки жили впроголодь. Но выход из положения нашёл вожак колонии Зырг. Он, а за ним и все остальные научились питались изоляцией высоковольтных кабелей. Кабель был добротный, выменянный по бартеру у финнов, на меха дальних, северных родственников белок, песцов. Бельчата росли как на дрожжах. Зырг научил своих соплеменников по характерному звуку, разбираться под напряжением кабелей или нет... Колония росла, хвосты опушились, белки плодились и осваивали новые территории, высоковольтный кабель упорно вёл их к трамвайному депо.

Стоял сухой и тёплый сентябрь. Ночь выдалась светлой, в безоблачном небе сказочно мерцали далёкие звёзды. Павлик тщательно вымыл из шланга последний трамвайный вагон и зашёл попрощаться с путейцами. Те пили тормозуху, отказать ветеранам узкоколейки было невозможно. Он и не пытался. Под утро путейцы вышли его провожать. На крыльце они в мажоре на четыре голоса, исполнили неофициальный гимн железнодорожников "Постой паровоз, не стучите колеса..." Потом они пошатываясь дошли до проходной с портретом лидера Великой Французской Революции, отсюда Павлик двинул сам. Он слышал, как за ним со-скрипом съехались огромные ворота, потом он ещё долго шёл натываясь на кусты и деревья, затем зацепился за корягу и упал на колени. Последние, что зафиксировал его накачанный эфирными парами мозг, это нескольких белок, которые завидев его в панике бросились врассыпную.

Павлик пришёл в себя от яркого света, пробивавшегося сквозь закрытые веки. Он открыл глаза, к удивлению голова не болела. Павлик приподнялся на локте, оказалось что он лежит на мягком матрасе сплетённом из сухой травы и набитым листьями. Рядом с ним стояла банка с водой, он понюхал воду, сделал маленький глоточек, а потом с удовольствием выпил всю остальную. Голова чуть закружилась и Павлик опять прилёг. Второй раз он проснулся от щекотки в носу, Павлик резко сел и несколько раз громко чихнул.

- На болей, двуногий! - услышал он.

- Спасибо... - Павлик вытер рукавом выступившие от чиханья слёзы и окаменел. Рядом с ним сидела седая белка. Павлик отодвинулся чуть назад и осмотрелся, вокруг было тихо и пусто. Только метрах в пяти, он заметил несколько пушистых зверьков, сидящих на поваленном стволе дерева. Они с любопытством и недоверием разглядывали его своими чёрными, как угольки глазами.

- Ну не удивляйся так... Меня зовут Апал, а тебя? - белка ворковала на диковинном, кашляющем наречии и Павлик, к своему удивлению, понимал каждое слово. Он рассказал про велосипед, Апал внимательно слушал, участливо кивая хвостом.

Павлик прожил у белок неделю, потом его подобрал бомж по-имени Коля, забрал к себе на баржу, накормил грибным супом, лечил какими-то отварными корешками, верил каждому сказанному слову. Павел Сычёв, он-же бомж по-прозвищу Сыч, остался жить с Доктором, они вместе собирали и сдавали бутылки, покупали у старушек сушёные грибы и относили их белкам. Зимой к ним прибывался Шахтёр. Вечерами Павлик читал вслух Пушкина, иногда незамысловато философствовал: "Жизнь это велосипед, пока крутишь педали - не падаешь!"

***

Тем временем по-зимнему быстро стемнело, опять пошёл снег. На крыше Горисполкома, ярко светился неоновый лозунг: "ПОБЕДА КОММУНИЗМА НЕИЗБЕЖНА!" Интересно, что он не гас даже когда во всём городе не было электричества, будто на него работала автономная электростанция. Беззаботные снежинки жизнерадостно резвились в свете фонарей автомобильных фар. Миша остановил частника. В машине ему так и не удалось рассмотреть девушку, в салоне тихо звучало радио, они всю дорогу молчали. Автомобиль остановился напротив ступенек парадного подъезда:

- Тебя подождать, - спросил водитель, после того как Миша с ним рассчитался.

- Нет, не надо... Спасибо!

Выбросив из под задних фонтан снежных брызг, "Москвич" резво скрылся за поворотом. Следы тут же замело. В подъезде Вика сняла с себя куртку и отдала её Мише. Под потолком горела яркая лампочка.

- Я провожу тебя до двери?!

- Нет погоди... И знаешь, - она на мгновение замолчала, - ведь ты спас мне жизнь, мне было не выбраться... Я всё время думаю об этом... Если бы не ты, меня бы уже не было... Никогда не было, - её голос дрогнул.

Девушка встала на первую ступеньку лестничной клетки, теперь их глаза были напротив друг друга. Затем она чуть наклонилась и поцеловала его. Точнее даже не поцеловала, а только чуть коснулась губами его щеки. Её обветренные, чуть припухшие губы были горячи, как раскалённая лава. Больше не сказав ни слова, она заскочила в узкий лифт. Автоматические двери бесшумно съехались, полоска света пробивающаяся сквозь дверную щель, медленно поползла вверх. Миша дотронулся пальцами до места ожога на щеке. Он ещё немного постоял, потом одел куртку, она всё ещё хранила в себе её тепло.

***

- Здравствуйте-здоровствуйте, молодой человек, - дверь Мише открыла пожилая женщина, - проходите пожалуйста! Мы ожидали вас раньше. Михаил, так кажется вас зовут.

- Здравствуйте...

- Я Елена Борисовна... - она протянула Мише худую, морщинистую руку, - будем знакомы!

- Очень приятно...

- И мне тоже очень приятно! Снимайте куртку, а сумку оставьте вот здесь... - Елена Борисовна провела Мишу в большую, светлую комнату:

- Вика скоро придёт, она на связи с отцом...

- ...

- Ах, да вы не знаете... Мой зять, отец Виктории, лётчик, капитан эскадрильи которая базируется на крайнем Севере, ему очень трудно, точнее невозможно дозвониться, да вы садитесь, - она показала рукой на диван между книжными шкафами, - о чём я?

- Дозвониться... - подсказал Миша.

- Именно... Дозвониться туда, как вы понимаете, нет никакой возможности, обычно он звонит сам. А вот сегодня Вика связалась с ним через дежурного авиапалка, так кажется... Я вообще и не знаю, каким образом, во всяком случае не стоит прерывать их разговор. Давайте пока пить чай, хотя может быть вы голодны?

- Нет спасибо, я и чай тоже не буду...

- Ну что вы, чай обязательно будете, я его особо завариваю, вот увидите, вам понравится. Да к тому-же у нас есть очень вкусное варенье из крыжовника. Я пойду поставлю чайник, - она проворно поднялась и вышла в кухню.

Миша остался один. В комнате было одно большое окно, его нижняя часть была покрыта голубоватым инеем. На журнальном столике у окна, замысловатым пасьянсом, была разложена колода карт. На кресле лежали вязальные спицы и моток мохнатых ниток. Миша подошёл к набитому книгами шкафу. На одной из полок в металлической рамке стояла чёрно-белая фотография- молодой человек в лётном комбинезоне и пилотке держал за руку девочку с косичками, а рядом в накинутой на плечи короткой, кожаной куртке, облокотившись на ствол берёзы, стояла очень красивая молодая женщина. В её руках был огромный букет полевых цветов. Глаза женщины были чуть прикрыты и создавалось впечатление, что она наслаждается ароматом букета.

- Это в Карелии, Георгий там служил 10 лет после окончания военного училища... - пояснила вернувшаяся в комнату Елена Борисовна, - а Ольга работала учительницей в поселковой школе, да ещё и библиотекарем по-совместительству. Виктории здесь четыре годика... Чай будет готов минут через пять! - она принялась собирать карты со столика.

- Привет Миша! - из-за спины раздался голос девушки.

Миша оглянулся, в комнате повисла тишина, она длилась всего несколько секунд, хотя оставила ощущение вечности.

- Ну что-же вы замерли, дети, - прервала тишину бабушка, - помогайте накрывать стол! Как там отец?

- Я не стала ему рассказывать, не хотела волновать.

- И правильно... - Елена Борисовна накрыла столик золотистой скатертью, - где же Ольга, она должна уже быть.

- Мама звонила с типографии, она будет с минуты на минуту.

Бабушка продолжала расставлять на столике блюдца, чашки и чайные ложечки, Вика принесла салфетки. Внезапно они услышали скрежет ключа в замочной скважине и в прихожую стремительно влетела женщина. Она, как была в шубе и сапогах, влетела в комнату, подошла очень близко к Мише, заглянула ему в глаза, прижала его к себе и заплакала. Её плечи судорожно тряслись.

- Спасибо тебе, Миша... Спасибо... Спаси... - слова растворились в слезах.

Вокруг её сапог, от быстро таявшего снега, образовалась маленькая лужица, а она его всё не отпускала. Вскоре плакали уже все три женщины.

Потом пили чай.

- Это просто чудо какое-то, что ребёнок не подхватил пневмонию, - женщины разговаривали друг с другом, - ей надо-бы посидеть дома несколько дней, ромашку поить...

- Может быть витамины какие-нибудь? Мама, ты звонила Юрию Константиновичу?

- Ах да Оленька, как же я забыла тебе сказать, конечно звонила, он заедет как только освободится, у него приём до четырёх...

Они продолжали разговаривать, потом одновременно поднялись и ушли в кухню, прихватив с собой остывший чайник.

- С тобой правда всё в порядке? - спросил Миша когда они остались одни.

- Мне было очень страшно... Никогда не думала, что ледяной водой можно обжечься, будто кипятком, - она задумалась.

- Я был на берегу сегодня утром.

- ...

- Я там сумку забыл с саксофоном...

- А шарф? - Вика наконец-то улыбнулась

- И шарф... Его теперь носит Доктор! - Миша тоже улыбнулся.

Потом опять пили чай, он действительно был очень вкусный и ароматный.

- Ну а теперь объясни доченька, как ты всё-же оказалась на льду? - никак не унималась Ольга.

- На льду... - Вика произнесла это таким тоном, что окно затянулось инеем до самого верха

***

Хотя до Нового Года было ещё четыре дня, десятиклассники уже не учились. Вечером должна была состояться новогодняя дискотека в актовом зале. Ученики расставили стулья вдоль стен, перенесли из зала в учительскую гипсовый бюст Ленина и знамя школы, украсили окна цветными гирляндами и снежинками. Тем временем, музыканты школьной группы "Волчий Билет", расставили на сцене огромные динамики и настраивали инструменты. Раньше группа звалась "Второй Год", но это название настораживало педсовет и родительский комитет школы, группу пришлось переименовывать, музыканты легко согласились с альтернативой. Какофония звуков разносилась по всей школе, наполняя аудитории и кабинеты праздничным настроением. Дедом Морозом, по-традиции нарядился завхоз школы- Пётр Петрович Хват. За долгие годы работы в школе, он так свыкся с этой ролью, что вёл себя, как Дед Мороз и в будние дни- два раза в неделю, с работы домой он нёс на могучих плечах, огромный мешок. Пётр Петрович с самого утра по-хозяйски обходил школу в красном халате подшитом бутафорским мехом и валенках, отдавая чёткие распоряжения. Дети его любили, но побаивались, педагоги уважали и то-же побаивались; до работы в школе Пётр Хват служил прапорщиком комендантского взвода внутренних войск. Снегурочкой, так-же по-традиции, была назначена повариха- тётя Зина, на её голубой шубе пуговицы каждый год переставлялись ближе к краю.

После обеда школа гудела, как разорённая голодными медведями пасака. В столовой стоял терпкий запах хвои, школьники заканчивали наряжать ёлку. Этим руководил директор школы- тучный, похожий на Карла Маркса без бороды, мужчина. Он придирчиво обходил дерево со всех сторон и указывал на пустые места, которые необходимо было заполнить игрушками. Украшение ёлки входило в завершающую стадию, когда парторг школы, внимательно наблюдавший за мероприятием, вдруг заметил, что не установили верхушку. Наклонить, увешанную шарами и лампочками ёлку, было не возможно.

- Где начальник пожарной охраны? - директор обратился сразу ко всем.
- На похоронах, - за всех ответила учительница русской литературы.
- На своих?
- К сожалению нет...

Тогда принесли лестницу-стремянку и позвали самого рослого ученика школы, Стёпу Бугаенко.

- Учитывая твои успехи в успеваемости и поведении, я бы с тобой в разведку не пошёл, - обратился директор к Стёпе, - но выхода у нас нет.
- Не понял... Война что-ли? - Бугаенко раздвинул дюжие плечи. - Китайцы?
- Ну до этого пока не дошло, хотя всё возможно, обстановка очень напряжённая, на границе не спокойно... Но об этом позже. Сейчас у тебя появится возможность доказать всему коллективу, что ты не зря посещал школу десять лет, - директор дрожащими руками вручил Стёпе верхушку в форме красной звезды и нервно кивнул подбородком в сторону ёлки, - справишься?
- А-то как жеж...

Учительница русской литературы выразительно кашлянула и закатила глаза.

- Попробуй ответить ещё раз, - директор сделал паузу, - ты справишься?
- Ну, я же да...

Директор глубоко вздохнул, по-отечески похлопал Бугаенко по аршинной спине, двумя руками для страховки взялся за стремянку и тихо сказал: "Пошёл!" И Стёпа пошёл. На него с надеждой смотрели десятки глаз, в столовой установилась космическая тишина, казалось было слышно, как на кухне между кастрюль, снуют наглые тараканы. Лицо десятиклассника отображало гордость и решительность, Степан Бугаенко наслаждался моментом. Он, как водолаз, медленно переставлял ноги, одной рукой он держался за стремянку, другой прижимал к широкой груди, красную звезду. И вот когда Стёпа, поравнялся с верхушкой ёлки, дотянулся до неё рукой и чуть нагнул, что-бы одеть на неё звезду, раздался оглушительный звонок, оглашавший конец урока... Стёпа вздрогнул, стремянка тоже, затем вздрогнули директор и парторг, за ними все остальные. Бугаенко пытаясь удержать равновесие, стремянка под ним жалобно скрипела и ходила ходуном. В тот момент, когда ему это уже почти удалось, из рук учительницы русской литературы выпал томик стихов Веры Инбер. Это окончательно нарушило баланс и Стёпа ухватился за лестницу что-бы не свалиться, предварительно выпустив из руки красную звезду-верхушку. Она будто в замедленном кадре, упала на пол и рассыпалась на тысячу маленьких осколков. Все, как по команде, ойкнули и подняли глаза вверх. С последней ступеньки стремянки, на них взглядом новорожденного, смотрел Бугаенко. Директор присел на нижнюю ступеньку и обречённо опустил голову. Тут к нему подошла Вика:

- Вы не переживайте так, Кирилл Валерьевич, я из дому принесу верхушку, у нас тоже звезда! Здесь напрямую, через реку...

Директор вымучил улыбку, потом разочарованно посмотрел на Стёпу, который категорически отказывался слазить со стремянки.

Вскоре уборщица тётя Дуся пришла подметать осколки, она бережно собирала их в ведро и недовольно ворчала: "Ох распустились, в былые времена за такое вредительство..." Потом с опаской оглянувшись, убедилась, что вокруг никого нет и добавила: "Господи помилуй..."

***

Миша уже было собрался уходить, когда приехал доктор Павленко. Он был старым другом Елены Борисовны и разумеется семейным врачом. Ольгу и Вику он знал ещё до того, как они появились на свет, шутил сам Юрий Константинович. Павленко церемонно поцеловал руку бабушке. Из коридора доносился его низкий голос:

- Рад видеть тебя, душа моя! Как ты себя чувствуешь?

- Спасибо Юрочка, хорошо... Но вот как тебе нравится наше происшествие, я так тревожусь... Ну что же мы здесь, проходи пожалуйста. Ах зачем это?

- Праздник, к тому-же это твоё любимое, "Букет Молдавии"...

Доктор вошёл и торжественно поставил на стол бутылку красного, вина с цветастой этикеткой.

- Твои девочки, - он обращался к Елене Борисовне, - хорошеют на глазах, чем это кончится?

Пока он здоровался, бабушка открыла стеклянные дверцы стенного шкафа, достала и поставила на стол три тяжёлых, хрустальных бокала с золотистыми ободками.

- Ну что ты Леночка, давай ещё два, - он посмотрел на Вику и Мишу, - поверь мне, сегодня им можно...

Вике пришлось заново пересказать всю историю с самого начала.

- Да вы юноша, герой, - сказал Павленко, дослушав рассказ до конца, потом встал и протянул Мише крепкую, сухую ладонь, - позвольте пожать вашу руку... И вот ещё... Этот доктор, как вы сказали его зовут?

- Они называли его Кол, наверное Коля, - предположила Вика.

- А какого он по-вашему возраста?

- Трудно сказать... У него борода, правда голос не старый...

- Судя по тому как он себя вёл, это опытный человек и возможно... - Павленко не договорил, - ну да ладно, к мы этому ещё вернемся, а теперь пойдем Виктория, я тебя послушаю.

Юрий Константинович пружинистой походкой направился в коридор за своим саквояжем. Густое, рубиновое вино в бокалах, так и осталось нетронутым.

Миша тоже встал:

- Мне пора идти, спасибо...

- Ой, погоди Миша, - Вика вскочила, - я чуть не забыла...

Она ушла в свою комнату и вернулась через несколько минут. Уже в коридоре она протянула Мише небольшую картонную коробку:

- Вот, это верхушка, отнеси пожалуйста в мою школу.

- Конечно...

- Директора зовут Кирилл Валерьевич, и... И приходи завтра опять. Придешь?

Окно в квартире тут-же оттаяло.

***

Следующим утром по-дороге в школу, Миша подошёл к барже. На корме, закутавшись в лоскутное одеяло, стоял Шахтёр. Миша поздоровался с ним с берега, тот в ответ вяло кивнул головой. В необитаемом небе не было ни облачка, девственный снег до рези в глазах, отражал колючие лучи декабрьского солнца. Из труб, над крышами частных домов, валил густой, кучерявый дым.

- Чувствуешь, - Шахтёр глубоко вдохнул и задержал дыхание, - воздух угольком пахнет, антрацитом...

***

Однажды группу зэков везли на медкомиссию в санчасть, базировавшегося по соседству гарнизона внутренних войск. Тяжёлый, тюремный автобус с ржавыми решётками на окнах, медленно трясся по грунтовой дороге. За ним двигался небольшой грузовик с охраной- тремя автоматчиками. Стоял прозрачный, летний день, вдоль дороги тянулось бескрайнее поле подсолнечника. Огромные жёлтые цветы, изо всех сил тянули к солнцу свои потяжелевшие к концу лета макушки. Охранники, в нарушение

всех инструкций, уговорили шофёра остановиться, что-бы нарвать спелых бутонов с семечками. Тем временем автобус продолжал двигаться, дорога свернула, машина с охраной осталась за поворотом. Видимо раскемаренный тряской водитель автобуса, не заметил огромной кочки по краю дороги, автозак наскочив на неё жалобно скрипнул и медленно завалился на бок, а затем на крышу. Заключённые повалились друг на друга, сверху их завалило оторвавшимися от пола стальными сидениями, началась паника и давка. При ударе о землю, с окон свалилось несколько решёток, оставшиеся на ногах зэки кинулись в рассыпную. Когда к месту аварии подъехала машина охраны, они застали там жуткую картину- семь раздавленных зэков и весь утыканный осколками стекла, залитый кровью, но живой сержант-водитель. Десять зэка-общережимников, включая Качалова, сбежали. Старший охраны вызвал помощь. Через три часа, оставив за собой втопанные в землю цветы, поле прочесала рота автоматчиков. Между тем, по поселковому радио выступил начальник тюрьмы с приметами бежавших. К концу дня двое зэков сдались сами и ещё четверых задержали при помощи милиции и по наводкам местных жителей. Остальных отловили через два дня: троих- пьяными в гастрономе, который они же и ограбили, а одного нашли на железной дороге, разрезанным поездом на три части- Качалова.

Саша Качалов сел уже взрослым человеком, в таком возрасте начинать “уголовную карьеру” было уже поздно, но ничего не поделаешь, так вышло. Из их детдома все мальчики после окончания школы шли работать шахтёрами, а куда ещё? Ведь детдом был подшефным хозяйством, Ордена Трудового Красного Знамени Шахты, имени революционера-компрессорщика Мантулина. Имя Мантулина не знал даже директор шахты. Кроме "путёвки в жизнь", всем детдомовским детям выдавалось отчество- Мантулович. Шахтёры-мантулинцы в праздники навещали детдомовцев, рассказывали о шахтёрских буднях, приносили молоко и фонарики, иногда брали мальчиков в забой-"подышать угольком!" Шахтёрская романтика захватывала детей с раннего детства. Ночами, юным мантулинцам, снились отбойные молотки и вагонетки, доверху набитые "чёрным золотом".

Александр Мантулович Качалов прекрасно помнил свой первый рабочий день, он едва не задохнулся метановым выбросом, его выволокли без чувств наружу, облили из ведра водой, а потом, когда он немного пришёл в себя, бригадир дал ему глотнуть спирта из фляги. Отравленные "гремучим газом" лёгкие болели неделю, ребята навещали его на больничке- пили молоко под тост "за вредность", потом он вновь спустился в шахту... Спустя год с небольшим его забрали в армию, в стройбат конечно- “бери по-больше, кидай по-дальше, пока летит- отдыхай”. После службы он опять вернулся на шахту. Саша проработал под землёй две пятилетки. За это время он вырос до забойщика пятого разряда, научился пить угольный самогон не закусывая, отпустил усы, которые повысили его самомнение и социальный статус в глазах администрации шахты, съехался с кладовщицей Марусей. Раз в год, по профсоюзным курсовкам, они вместе ездили отдыхать в Одесский санаторий "Труд". На стене их комнаты в общежитии, в одинаковых рамках висели шесть одинаковых фотографий, смуглый и тощий Саша на фоне румяной Маруси и Чёрного Моря, менялись только надписи "Лузановка, июль 1970г.", "Лузановка,

июль 1971г."... По-возвращению в посёлок, бронзовый, солнечный загар, после первой смены в шахте, сменялся жирной угольной копотью, отпускное настроение быстро вытеснялось тяжёлой работой и бытовой суетой. Саша хотел детей, Маруся мечтала о "Москвиче-412", жизнь текла медленно и однообразно. После отпуска с вдохновением готовились к Дню Шахтёра.

К празднику выдавали новую, брезентовую спецовку и повышали подземные тарифы. Над шахтой вывешивался транспарант с главным шахтёрским лозунгом: "Место коммуниста - под землей!" Потом был торжественный митинг с начальством, затем пили до утра. Пьяными катались на "монике"- монорельсовой дороге подвешенной на верхняках, орали шахтёрские песни- "Спят курганы тёмные..." После праздников, как-правило начинали расползаться слухи об отмене "гробовых"- три процента от среднего заработка за трудовой стаж, положенных шахтерам по выходу на пенсию, делалось это для того, что-бы пенсионеры поактивнее увольнялись с шахты. По пятницам смена была на рештак короче, в эти дни Саша ходил в свой детдом, навещал тётю Аню Качалову, женщину подобравшею его младенцем на автовокзале- его приёмную маму, приносил детям фонарики, конфеты и молоко, рассказывал истории об "угольных реках".

В ту злополучную пятницу, в детдом Саша не пошёл, по-дороге с работы он заскочил в гастроном, взял бутылку "Особой" и неспешно направился к общежитию. Он часто останавливался, здороваясь со знакомыми перекидывался несколькими словами о футболе, рыбалке, забое. На перекрёстке он помог молодой мамаше перевести через дорогу коляску с орущим ребёнком. У самого подъезда выкурил папиросу, посмотрел как дворовые пацаны гоняют мяч по пыльной площадке, полюбовался новеньким "Москвичом", аккуратно запаркованным у клумбы с незабудками.

Первое, что ему бросилось в глаза, когда он открыл дверь, это потная спина Маруси, раскачивающаяся как на качели, взад-вперёд. Саша окаменел. Маруся оглянулась, облизала губы кончиком розового языка, но качания не прекратила. Саша ещё несколько мгновений постоял, потом решительно двинул к кровати. Первой в окно вылетела Маруся, вслед за ней последовал смуглый, носатый мужик. А шахтёр не торопясь откупорил "Особую", достал из стенного шкафчика большой фужер с золотым ободком, наполнил его до краёв водкой и залпом выпил. Потом он подошёл к разбитому окну, Маруся стояла в центре клумбы, вся в незабудках. Рядом, на капоте "Москвича", лежал волосатый мужчина в носках и большой кепке, вокруг собирались любопытные. Саша сорвал с карниза занавесь и великодушно швырнул её Марусе, та благодарно опустила глаза. Вскоре послышался вой милицейской сирены.

Больше всего адвоката, прокурора да и самого народного судью, удивило то, что и Маруся, и гражданин Георгидзе, весили ровно в два раза больше, подсудимого Качалова. Суд длился не долго, Маруся плакала, путалась в своих показаниях и в самом конце произнесла фразу, поставившую в тупик публику и юристов: "Чем больше я узнаю мужчин, тем больше мне нравятся животные!" Гражданин Георгидзе, вообще ни на что не жаловался, а претензии имел только к Гидрометцентру- лето выдалось жаркое и его гвоздики портились быстрее, чем продавались. Александр Мантулович Качалов, учитывая хорошие характеристики с места работы, получил два года за мелкое хулиганство и

отбыл в лагерь общего режима, первым-же попутным этапом. На вокзале его провожала Маруся, рядом с ней сидел огромный дог, она размахивала в след уходящему поезду кружевным платочком, с языка дога на вымытый дождём перрон, стекала длинная слюна...

Всю дорогу Саша молчал, когда удавалось протиснуться к окну, неморгая смотрел в пустоту одной шестой части суши. Уже где-то за Ставрополем, он перезнакомился с остальными пассажирами. Руководил этапом смотрящий Зяма-Треф, татуированный звёздами блатной, ещё довоенной закалки. Он не признавал беспридел, разводил разборки по-понятиям, не допускал мордобоя. Блатные играли в карты, приблатнённые пели "за Мурку", остальные отсыпались, травили байки, дымили, благо курева было полно, алтайский конвой не зверствовал. Сашу и ещё десяток зэков высадили в Новороссийске. Там их пересадили на узкоколейку и через день их путешествие закончилось в посёлке с ничего хорошего не обещающим названием- Нижняя Галда. Разговорчивый сержант конвоя, рассказывал лузгая семечки, что до Революции, в этих местах чалился зэка, Михаил Лермонтов.

Сидел Саша тихо, прибился к семейке и получил кличку Шахтёр, работал за себя и за вора, скучал по Лузановке и детдомовским детям. Тюремная фабричка, производила бетонные блоки из цемента Новороссийской бухты. Цементная пыль была повсюду- в еде, в постели, в зубном порошке. Постиранную и высохшую на воздухе робу, нужно было отбивать деревянным молотком, что-бы зацементированная ткань, вновь стала мягкой. Вор на-положении по-кличке Вокзал, в основном был пьяный или обкуренный, понятиями учреждения управляли шерстяные. В камерах заправляли отморозки и озверевшие беспридельщики. Они издевались над работягами, отбирали у них всё, что могли включая еду и одежду, проигрывали их друг-другу в карты, избивали, доходило до поножовщины, что само по-себе редкость, на общем режиме. Ко всем бедам, в зоне обнаружили туберкулёз. Был объявлен карантин и зэков, поделив на группы, возили на автобусе для обследования и профилактики, в санчасть соседнего гарнизона.

Саша Шахтёр бежал через поле огромных жёлтых цветов, терпкий запах кружил ему голову, бег приносил ему истинное наслаждение. Он давно уже потерял счёт времени- может быть двадцать минут, может быть два часа; его ноги не чувствовали усталости, они скорее наоборот с каждым следующим шагом наливались силой. Неожиданно цветы закончились, Саша резко остановился на краю оврага, без подсолнечников он вдруг почувствовал себя совсем беззащитным. На дне оврага беззаботно журчала быстрая речушка. Придерживаясь за крутой склон, он ловко спустился к воде. Там он стащил через голову, влажную от пота робу с выжженной хлоркой фамилией на кармане, сел на бревно, снял ботинки и с удовольствием опустил ноги в прохладную воду. Так он просидел наверное с пол-часа, потом собрал вещи, связал их вместе, подтолкнул бревно в реку, обнял его руками и поплыл по течению. Холодная вода взбодрила его, вскоре речка превратилась в ручей, а затем и вовсе исчезла где-то под землёй. Саша немного подсох, полежав на солнышке, оделся и пошёл в ту сторону, где как ему показалось, он слышал характерный звук стучащих о стыки рельс колёс, движущегося состава.

От тревожных мыслей, его оторвала музыка, он остановился и прислушался, а потом свернул на медные звуки траурного марша. Вскоре Саша упёрся в покосившийся забор маленького кладбища. Прячась за некрашеными досками, он наблюдал за похоронами. Несколько заплаканных старушек, суетились вокруг худой женщины, крепко державшей за руку девочку с косичками. Четверо хмурых мужиков, несли оббитый чёрной тканью гроб, из карманов их пиджаков, выглядывали мятые кепки. Сизоносые музыканты, усердно надували щёки. Редкая толпа людей с печальными, усталыми лицами, покачиваясь в такт музыки, медленно двигалась за гробом.

Солнце уже давно перевалило за зенит, тени крестов удлинялись на глазах. Люди не торопясь расходились, последней ушла женщина с девочкой, она так и не выпустила из своей руки, ладошку ребёнка. Из-за забора Саша видел, как работники кладбища, собрали инструмент в тачку и двинулись в сторону вагончика. Там они закурили на крыльце, потом вымыли лопаты, поливая их водой из резинового шланга, живо переоделись и разошлись. Спустя ещё немного времени кладбище по периметру обошёл сторож со старой, хромой собакой на поводке.

Вокруг была кромешная темнота, угрожающе близко стрекотали цикады. Саша с силой вонзал лопату в рыхлую землю, работа спорилась. Вскоре штык лопаты глухо ударился о крышку гроба, как по заказу на миг показалась луна. Она осветила блестящего от пота, по-пояс раздетого мужчину, методичными движениями, раскапывающего могилу. Луна опять спряталась в плотные облака. Саша перестал копать, вытер тыльной стороной ладони пот со лба, вставил остриё лопаты между крышкой и гробом, а затем с силой нажал на черенок. Крышка легко поддалась. Вытащив из гроба негнущееся тело, он засыпал пустую могилу землёй, тщательно укрыв её венками. Всё это он проделал машинально, хотя его действия со стороны напоминали работу хорошо отлаженного механизма. В действительности им руководил инстинкт направленный на выживание. Вернув лопату на место, Саша взял у вагончика тачку, уложил на неё труп и бегом двинул к железной дороге. Там он снял с покойника костюм, натянул на него свои ботинки, брюки и верхнюю робу, уложил на рельсы и сел рядом. Его била крупная дрожь, от нервного перевозбуждения руки и плечи судорожно вибрировали. В уме всплыли слова старого зэка-мокрушника говорившего со знанием дела: "Убивать так-же легко как дышать, а вот жить потом с этим, так же легко, как дышать под водой". Конечно он не убивал, мертвец был холоден, как кафель в морге, но ощущение того, что он убийца, не покидало его. Внезапно его вырвало, вывернув на изнанку, мощный спазм стальным обручем сжал горло. Саша пришёл в себя, почувствовав как задрезжали рельсы, он взглянул на труп будто прощаясь с самим собой. Темноту ночи разрезал острый луч тепловоза...

Саша вернул тачку на место, попил воды и умылся у колонки, одел пришедшиеся в пору костюм и туфли, вытащил из пепельницы на крыльце у вагончика несколько окурков по-длинней и опять двинул к железной дороге. Он шёл всю ночь вдоль полотна, будто игрушечной узкоколейки, утром свернул в лесопосадку, аккуратно снял костюм, лёг в траву и проспал до обеда.

Проснувшись поел диких яблок и с наступлением темноты опять шёл и шёл. Зэка Качалов давно уже потерял счёт времени, его лицо покрывала

жѣсткая щетина, от усталости и недоедания двигался он всё медленней, но его глаза по-прежнему светились, как шахтѣрский фонарик. На пятый день он вышел на деревянный перрон какого-то заброшенного полустанка.

- Гражданин, предъявите пожалуйста удостоверение наличности, - Саша медленно повернулся. Перед ним стоял невысокого роста человек в расстѣгнутом, сером кителе и жизнерадостно улыбался.

- Это вы мне?

- Тебе... А кому же ещё? - сержант улыбнулся ещё жизнерадостней, - кажись здесь больше никого и нет...

Саша обречѣнно полез во внутренний карман пиджака. Там он пальцами нащупал какую-то бумажку и не-глядя протянул её милиционеру. Тот взял её, приблизил к глазам, неопределѣнно хмыкнул и официальным тоном сказал:

- Ну что-же, тогда следуйте за мной.

На другой стороне перрона одиноко стоял деревянный домик, видимо станция. Под крышей домика, белой краской было выведено "Посѣлок Верхняя Галда". Войдя в помещение, милиционер дружелюбно обратился к Саше:

- Посиди здесь, я быстро... - и взмахнув перед его лицом двадцати пятирублѣвой купюрой, быстро исчез за дверью. Саша услышал, как завѣлся мотоцикл. Он быстро проверил остальные карманы пиджака и брюк, из бокового он достал сложенный вчетверо пожелтевший лист казѣнной бумаги- "Накладная" на имя водителя грузовика, Владимира Елисеева.

Стол был заставлен винными бутылками и нехитрыми закусками- крупно нарезанным плавленым сырком "Череповец", варѣными яйцами, яблоками, от вида которых, у Саши оскоминой сводило челюсти. Они сидели в дырявом сарае.

- Раньше здесь была голубятня, - рассказывал милиционер Петя, поглядывая по сторонам, - потом её сожгли. Голуби вернулись, покружили и улетели. Больше не возвращались... Так кем ты Володьке приходишься?

- Да мы в армии вместе шоферили, - легко соврал Шахтѣр.

- Однополчане... Молодец, что приехал друга хоронить! Ну давай, - он поднял доверху наполненный бурым вином стакан, - что-б земля ему была пухом... Потом они ещё долго пили: на посошок, на коня, стременную, по-сиротски со слезой...

- Ты похож на мою тѣщу... - по-школьному сложив руки на столе, пьяно проямлил Петя.

- Характером?

- Нет... Усами!

Они выпили всё что было, потом несколько часов проспали, а вечером на мотоцикле, сержант транзитной милиции Петя, подвѣз беглого зѣка Качалова, на вокзал в Новороссийск. Они неторопливо выкурили по-сигарете и милиционер отдал зѣку оставшуюся с двадцати пяти рублей сдачу, которой как-раз хватило на билет до "шахтѣрской столицы"

Качалова разбудил бодрый голос: "...В эфире утренняя гимнастика! Встаньте прямо, ноги поставьте на ширину плеч..." Саша перевернулся на живот, посмотрел в окно и прочитал на похожем на старинный монастырь здании вокзала, мягкое украинское название города. Он не раздумывая спрыгнул с верхней полки, наскоро оделся и выскочил на перрон. Мятая

проводница сладко подтянулась, вяло взмахнула флажком и захлопнула за ним тяжёлую вагонную дверь. Вспугнув сонных грачей, утреннюю тишину взорвал тепловозный гудок, тормозные цилиндры со-свистом выпустили воздух, скрипнули колёса и состав медленно сдвинулся с места.

В косых лучах восходящего солнца, роса на городских клумбах переливалась тысячами бриллиантов. Дышалось легко и свободно. Ноги привели Сашу Качалова на берег реки. Там с затонувшей баржи, два мужика сидя на корме удили рыбу. Саша спустился на берег и присел на бетонный блок парапета. Солнце начинало припекать. Он лёг и закрыл глаза, тепло от нагретого бетона, приятно расслабляло тело, перед глазами пролетели события последних дней. Рыбаки тем временем сварили уха, её запах безжалостно щекотал нос. Не заметно для себя Саша уснул, ему снились море жёлтых цветов подсолнечника...

- Эй, мужик, иди поешь... - сквозь сон, долетел до него голос, - сегодня рыбный день, в меню уха из судака.

Саша остался жить на барже с Доктором и Сычом. Зимой он подрабатывал сторожем на стройках, копил деньги. На лето уезжал в Верхнюю Галду. Он познакомился с вдовой Володи Елисеева, помогал ей в хозяйстве, отремонтировал крыльцо и крышу, присматривал за могилой "армейского друга". И ещё Саша обязательно навещал милиционера Петю, его сыну он всегда привозил в подарок фонарики...

***

Занятий в школе уже не было, до Нового Года оставалось два дня, Миша зашёл в учительскую за табелем, но никого там не застал. В углу сидел военрук, майор Запивайко и внимательно смотрел телевизор: "... Высокая безработица, кризис, инфляция- с неуверенностью вступает Америка в наступающий год ..." торжественно вещал Валентин Зорин. Миша спустился в спортзал, там перед входом, была небольшая терраса, где обычно собирались старшеклассники. Но и там никого не было. Покрутившись без дела в вестибюле, поболтав с учителем труда, ветераном трёх войн, дядей Лёшей, курившим по-фронтовой привычке самокрутки, Миша отправился к Вике. Над дорогой пролетел шквал ледяных осколков- караван снегоочистительных машин, ледоколом врезался в снежные курганы. Минут через 15, когда у него уже начали коченеть пальцы, к остановке сонно подполз покрытый голубоватым инеем, знакомый автобус, створки дверей флегматично сложились, впустив в салон Мишу и тут-же с грохотом захлопнулись. Внутри было, как в волшебном ледяном дворце. Миша подышал на стекло, в заледенелом окне появилось прозрачное отверстие размером в трёхкопеечную монету, он растёр его пальцами, на стекле возникли нацарапанные слова: "Тише едешь - позже сядешь"

Неожиданно, из-за перегородки, отделяющей водителя от пассажиров, выглянула лохматая голова:

- Автобус идёт в парк, что-то жиклёры плюются, - доступно разъяснил водитель пассажирам, - так, что на Революционной выходят все...

- А мне до Победы Коммунизма пешком что-ли тащиться? - обратилась ко всем крупная женщина, сидящая у окна и прижимавшая к чебурашковой шубе, большую сумку с покупками.

- До Победы Коммунизма пешком не дойти, - за всех ей ответил пенсионер, сложил пополам "Правду" и направился к выходу.

Пассажиры возмущённо галдели...

Вика была одна, мама уехала куда-то по своим делам, а бабушка зашла к соседке. Девушка искренне обрадовалась, увидев Мишу. Они сидели в её комнате. Комната была угловая, два окна расположенных по-диагонали друг от друга давали много света и воздуха. У стены напротив окна стоял одёжный шкаф с зеркальной дверью. На боковой стене шкафа висел глянцевый плакат Бони М. Фотограф запечатлел музыкантов карибского квартета в неестественных позах, из одежды на них были только стальные цепи. Недели две назад, в музыкальную школу, один парень, аккордеонист, принёс пластинку Бони М. Увидев на обложке пластинки эту фотографию, завуч школы авторитетно заявил: "Товарищи студенты! Обратите внимание, как империалистические расисты, обращаются с негроидами. Вот кому действительно нечего терять, кроме своих цепей!"

Вика включила магнитофон, Бони М пели "Реки Вавилона"

- Знаешь, Новый Год мой любимый праздник, ты кстати где встречаешь?

- Мы всем классом собираемся, всё таки последний школьный... - Миша смотрел в одно из окон, потом резко повернулся и добавил, - Вика, я подумал... Пойдём со мной?

- Ты меня приглашаешь? - она улыбнулась, - но мне наверное ещё несколько дней нельзя будет выходить на улицу.

- Тебе не надо будет выходить, я попрошу брата он нас подвезёт к Полушкиной к десяти, она кстати рядом с тобой живёт, а обратно я вызову такси...

- Я не знаю... Мы всегда встречаем все вместе, с родителями и бабушкой, а в этом году у папы не получается, он на боевом, если ещё и меня не будет...

Под окнами комнаты, был маленький, уютный скверик полностью засыпанный снегом.

- Вика, у вас есть морковка?

- Есть... - глаза девушки округлились.

- Я скоро вернусь... - Миша положил морковку в карман, одел куртку и выскочил за дверь. Обойдя вокруг дома он легко перепрыгнул через декоративную, металлическую ограду и оказался в том самом скверике, под окнами Викиной комнаты. Здесь он снял куртку и с вдохновением взялся за дело. Первый ком он скатал достаточно быстро, выкатил его в центр скверика и установил напротив окна. Второй занял больше времени, поскольку скатывать его пришлось в дальних углах, где ещё остался снег. Установив его на нижний ком, Миша украдкой поднял глаза, в окне он увидел фигуру девушки, но не подав виду продолжал работу. Третий ком- голову, пришлось скатывать за оградой сквера, там же Миша нашёл две крупные ветки. Когда снеговик был готов, на улице уже во всю горели фонари. В их матовом свете, белыми бабочками, медленно кружились крупные снежинки. Вместо глаз Миша вставил две пятикопеечные монеты, улыбку и пуговицы выложил мелкими камешками, ветки стали руками. Срезав ладонью лишние на его взгляд неровности, Миша

ещё раз обошёл вокруг снежной скульптуры и отряхнувшись от снега двинулся в сторону парадного. Когда он вошёл в квартиру девушка от радости хлопала в ладоши! Позади неё улыбалась её мама.

- Миша, мне так нравится, мне так... - она не удержалась, встала на носки и поцеловала его в щеку, - ой, да ты холодный как лёд, быстро раздевайся и садись под батарею.

- Здравствуйте, Ольга Андреевна!

- Здравствуй Миша, ты и правда умница, снеговик бесподобный, спасибо...

Они сидели рядом друг с другом на полу, поджав колени и прижавшись спинами к острым рёбрам батареи парового отопления. Вика держала в своих ладонях Мишины руки, пытаясь согреть их. Миша дрожал, но не от холода, его сердце бешено колотилось, унять дрожь не получалось...

- Ты мне снилась вчера... - прошептал он.

- Ты мне тоже... - прошептала в ответ она.

Вскоре Миша ушёл домой, а окна выходящие в сквер ещё долго светились. Время от времени к одному из них подходила девушка и всматривалась в темноту ночи.

На следующий день ему позвонила Вика. Слегка взволнованным голосом она рассказала, что мама консультировалась с Павленко. Доктор обещал заехать после обеда и ещё раз послушать её лёгкие. Он считает, что если не услышит никаких симптомов, то можно будет выходить на улицу. И ещё, мама и бабушка совсем не против, если она будет встречать Новый Год с Мишей! А вечером этого-же дня, Вика завернувшись в мамину шубу, сидела в "Метелице" напротив Миши. Декабрьский мороз разукрасил огромные стёкла кафе, невероятными кристаллическими узорами. И хотя в помещении было тепло, посетители глядя на окна ёжились, поплотнее кутаясь в пальто и куртки. Они заказали какао и ореховые пирожные, Миша быстро съел своё, Вика лишь маленький кусочек. Она не отрываясь смотрела на мерцающий огонь свечи в центре столика и согревала ладони о горячую, фарфоровую чашку. Девушка рассказывала о папе, его службе на севере, о жизни в Карелии, о маме и бабушке. Миша рассматривал её чуть удлинённые глаза, цвета жаренных кофейных зёрен, слегка припухшие губы, тяжёлые каштановые волосы рассыпанные по воротнику шубы, длинные пальцы, которыми она поправляла непослушный локон...

- Миша, давай завтра навестим Доктора, - неожиданно сказала Вика, - и Сыча, и... Погоди, а как звали третьего?

- Шахтёр...

- Точно, и Шахтёра...

- Но завтра же Новый Год! Я ещё не купил шампанское, представляешь какие в магазинах очереди?

- Всё успеем, вот увидишь... - Вика загадочно улыбалась.

Утром Мишу разбудили родители, они уезжали на три дня к родственникам в Киев. Мама суетилась, упаковывая последние вещи в разбухший чемодан. Папа, невозмутимый, как пирамида Хеопса, пил кофе. Вскоре за окном посигналило такси, Миша спустился с родителями к машине и помог уложить вещи в багажник. Потом мама ещё раз позвонила с вокзала и очередной раз пересказала Мише, как не умереть с голода- холодильник был

забит до отказа новогодними деликатесам, в его недрах было столько еды, что можно было досыта накормить бригаду Ударников Коммунистического Труда. Вскоре опять позвонил телефон, в этот раз звонила Вика, она взяла адрес и сказала, что будет через час. Миша повесил трубку и бросился наводить порядок. Когда он чистил зубы в дверь позвонили, Миша подскочил к двери и резко её открыл.

- Мишаня, с наступающим! - на дверной косяк опирался сосед Сергуня в рваной тельняшке, - спасай балтийца, мне бы поправиться, пиво есть?

- Посмотри в холодильнике, мне некогда, - Миша впустил соседа в квартиру и бросился в ванную. Покончив с зубами Миша зашёл на кухню, там Сергуня ел винегрет и запивал его кефиром прямо из бутылки. Через прорехи в тельнике были видны татуированные якоря. Проводив балтийца, Миша бросился собирать постель, но и это ему не удалось с первого раза, в дверь опять позвонили.

- Мы это... По трюнделю на вечер скидываемся, - у двери с протянутой рукой стоял заместитель председателя жилкопа, Петрович.

Миша протянул ему три рубля.

- С наступающим! - Петрович повеселел.

В дверь звонили ещё три раза- в начале незнакомая, полная женщина в цветастом платке, предлагала купить пятилитровый бутыль липового мёда. Затем не по-утреннему бодрый мужик в меховой шапке, собирал подписи под петицией к американскому президенту Рональду Рейгану, с категорическим требованием немедленно остановить гонку вооружения и открыть железный занавес. Потом опять Сергуня, видно позабыв, что здесь он уже сегодня был.

В машине легко пахло сигаретным дымом. Ольга Андреевна уверенно вела первый советский, пассажирский вездеход "Нива", ловко маневрируя между серыми айсбергами. С утра по-раньше они с Викой выкопали из сугроба автомобиль и вот теперь пробирались в один из центральных гастрономов города. Они проехали несколько кварталов, когда вопреки прогнозам гидрометцентра, повалил снег. Автомобильные дворники бешено чистили лобовое стекло от налипавших на него снежных кристаллов.

- Mam, может переждём снег...

- Пока будем ждать, нас опять завалит, раскапывай потом опять...

Они оставили машину у входа в гастроном "Октябрьский". Голые витрины, украшенные гирляндами не предвещали ничего хорошего, но Ольга Андреевна оптимистично открыла тяжёлую, входную дверь. В помещении пахло жареной курицей:

- Мы закрыты на переучёт, там же чёрным по бумаге написано. Ну что-же это такое, лезут и лезут... - звонкий голос эхом облетел голые магазинные полки и исчез за стеллажом с плавленными сырками, - лезут и... Ой, Оленька, Вика! - из-за высокого, углового прилавка показалась женщина с пышной причёской, - Привет, девочки!

- Привет Зинуля! С наступающим тебя! Мы не вовремя?

- Ну что ты, это я не тебе, это людям, - через мгновение до неё дошёл смысл сказанного и она виновато улыбнулась, - Вика твоя совсем взрослая...

На Зине был синий халат с закатанными по локоть рукавами, к лацкану был приколот значок: "Отличник Советской Торговли". Она была одноклассницей

Ольги Андреевны. Женщины немного поговорили об общих знакомых, а потом скрылись за дверью кабинета с блестящей табличкой: “Товаровед Зинаида Ю”. Вика осталась одна, от скуки она стала рассматривать наглядную агитацию, заменявшую в гастрономе “Октябрьский” продукты питания и товары народного потребления. На стене хлебного отдела висел портрет трижды Героя Социалистического Труда, Генерального Секретаря ЦК КПСС, Константина Устиновича Черненко, во весь рост. Он стоял в поле и нежно гладил рукой пшеничные колосья. В мясо-молочном отделе трижды герой по-хозяйски поглаживал покатые бока румяной, криво улыбающейся коровы, в небе над ним парили два аиста, в своих клювах они удерживали транспарант: “КОЛХОЗНИК, УТРОЙ УДОЙ!” В плодово-ягодном Константин Устинович с калмыкским простодушием любовался грушевыми и сливовыми деревьями на фоне картофельных плантаций. И только вино-водочный отдел был скуп, украшен незатейливым тостом: “За мир во всём мире!”

Неожиданно тишину разрезал усиленный динамиком голос Зины: “Яков, срочно зайдите в кабинет товароведа” и сразу зачем-то ещё раз: “Яков, срочно зайдите в кабинет товароведа”. Через несколько минут безлюдный торговый зал, по-диагонали военным шагом, пересёк человек, в таком-же синем халате, как и у отличницы торговли, видимо это и был Яков. Он остановился перед дверью, перевёл дыхание, на всякий случай посмотрел по сторонам, потом тщательно вытер руки о полы халата и вошёл в кабинет. Там он пробыл меньше минуты, выйдя плотно прикрыл за собой дверь, опять огляделся и тем-же маршрутом скрылся в подсобном помещении.

Вика подошла к окну, снег всё ещё падал, но уже не так интенсивно, да и хлопья стали поменьше, из бабочек они превратились в белых мушек, на улице появились люди! На противоположной стороне улице, на месте огромной, замёрзшей лужи, детвора устроила каток. Они разгонялись, расставляли для равновесия руки и скользили на ногах вдоль тротуара, шума и мешая двигаться прохожим. Взгляд девушки упал на лёд, она резко вздрогнула, к горлу подкатил ледяной ком, ей вдруг очень захотелось, что-бы рядом был Миша, ком тут-же растаял...

В этот момент из подсобки вышел Яков, на вытянутых руках он торжественно нёс большой картонный ящик. Поравнявшись с Викторией, он чуть замедлил шаг:

- Куда нести, то? - в воздухе запахло яблочным вином.

- Не знаю, - девушка неопределённо пожала плечами.

- Вот всегда у нас так, - Яков обратился к одному из портретов Председателя Президиума Верховного Совета СССР, - никто, никогда, ничего не знает...

Отсюда и бардак в государстве. Как сказано у Маркса...

- Не шумите дядя Яша, - прервала его политическое выступление Зина, вовремя вышедшая из кабинета, - вот ключ, носи в машину, а потом оставайся у двери, а то лезут и лезут...

Они тепло попрощались. Уже у самого выхода Зина вспомнила, что не дала Ольге номер домашнего телефона. Она решительно взяла с подставки толстую книгу в коленкоровом переплёте, выдрала из неё страницу, написала номер и протянула однокласснице. Когда она возвращала книгу на место, Вика успела

прочитать тиснённую бронзой надпись на корешке: "Книга Жалоб и Предложений, Том III". Перехватив её взгляд, товаровед продекларировала:
- Кто писал не знаю, а я дурак читаю, - и виновато добавила, - Чехов, Антон Палыч...

Вдоль дороги стояли окованные ледяными панцирями автомобили. Вокруг них суетились их хозяева.

- Никогда раньше не слышала такой фамилии, - Вика заговорила с мамой, когда они отъехали от гастронома.

- Её муж кореец, профессиональный коммунист.

- А чем он занимается здесь?

- Набирается опыта, работает на мясокомбинате...

Ольга Андреевна лихо затормозила у парадного. В ящике оказалась несколько плоских банок рижских шпрот, палка венгерской салями, банка красных, болгарских консервированных перцев, две круглые коробки шоколадных конфет "Стрела", четыре бутылки Советского Шампанского, Киевский торт и целлофановый пакет марокканских мандарин. Ольга Андреевна взяла одну из них и понюхала:

- Марокканские мандарины, пахнут советским Новым Годом! - она улыбнулась своим мыслям, - ладно, хватит патетики, что вам оставить?

- Шампанское, конфеты... А можно торт?

- Договорились, - Ольга Андреевна улыбнулась, - когда ты будешь дома?

- К семи... - Вика задумалась, - ну не позже пол восьмого...

- Хорошо, тогда я заскочу в типографию и наверное ещё успею в универмаг.

- Ты работаешь сегодня, - удивилась Вика.

- Редактор просил проверить выпуск...

- А в универмаг зачем?

- Скоро узнаешь...

Перед тем как уехать, Ольга Андреевна выкурила подряд две сигареты, прикуривая одну от другой. Глядя, как Вика скрылась в подъезде она вдруг подумала, что за последние несколько дней, дочь сильно изменилась.

Этот звонок Миша услышал сердцем. Он открыл дверь ещё до того, как Вика сняла палец с кнопки звонка. Она вошла, обняла Мишу одной рукой за шею, второй погладила его по щеке. Затем она привстала на цыпочки, медленно приблизилась так близко к его лицу, что ощутила на своих холодных губах, его прерывистое горячее дыхание, чуть прикрыла глаза и поцеловала его. Миша не дышал, воздух ему было больше не нужен... Он наверное на миг потерял сознание, всё что его окружало исчезло, были только чуть прикрытые глаза девушки, лёгкая ладонь на его щеке и нежные, слегка прохладные губы. Счёт времени, казалось был потерян навсегда. В реальность их вернул телефонный звонок.

Потом они вытащили из холодильника новогодние яства и аккуратно упаковали их в сумку, ту самую, в которой Миша носил саксофон.

Они ждали автобус, его не было и не было. Снег прекратился так-же внезапно, как начался. В узких разрывах туч неожиданно появилось яркое, коралловое солнце. Вика и Миша одновременно замолчали, прислушиваясь к звукам возвращающегося к жизни города: шуршащим по снегу автомобильным шинам, сердитым крикам грузчиков у ликёро-водочного, обрывкам музыки,

доносившейся из “Метелицы”. Кашляя выхлопными газами к остановке подполз автобус, но двери не открылись, они были плотно зажаты телами “строителей Коммунизма”. С трудом удалось поместиться в следующий за ним, хотя и он тоже был заполнен почти до отказа. Неохотно сдвинувшись с места, автобус пугливо заскользил между обледенелыми сопками. Их пытались растащить, но они крепко держались друг за друга. Вика улыбалась, легко касалась губами его подбородка. Миша опускал лицо за воротник её пальто, вдыхал её аромат, целовал шею. Постепенно салон опустел, вскоре они остались вдвоём в центре гармошки.

- Мы проехали нашу остановку...

- Думаешь... - на щеках девушки расцвели розы.

Они с трудом оторвали глаза друг от друга, что-бы посмотреть в окно. У памятника Розы Люксембург собиралась толпа митингующих с любопытным транспарантом: “Руки прочь от вьетнамок!”

На барже они оказались, когда последние солнечные лучи уходящего года, уютно улеглись вдоль бетонного парапета. На обледенелых проводах звонко ссорились румяные снегири. Бомжи были на месте, в бочке громко трещали дрова, над палубой вился сизый дымок. У огня сидели Шахтёр и Сыч. - Я бы сейчас съел яишню трёхглазую с докторской колбасой или ещё лучше с любительской... - Шахтёр вдруг оборвал речь, - Доктор, смотри кто идёт! Ты был прав, - он показывал рукой в сторону берега, - с меня казённый чекушник! Из кормовой рубки показался Доктор, его борода скрывала улыбку, но по глазам было видно, что он им рад!

Стол накрывали в кают-компании, Сыч затопил буржуйку, стало тепло и даже уютно. Стены помещения были оббиты фанерой и обклеены шершавыми обоями, на полу лежали плотно подогнанные одна к одной и выкрашенные серой грунтовкой доски. В центре стоял привинченный к полу прямоугольный стол накрытый розовой клеёнкой, вокруг него три проволочных ящика из под молочных бутылок и грубо сколоченная деревянная скамейка. Над столом висела керосиновая лампа, блики от горящего фитиля играли в покрытых инеем иллюминаторах. В углу была прибита полка, на ней лежала аккуратно обёрнутая газетой книга, карманный фонарик и транзисторный радиоприёмник “Спутник”.

- Если батарейки не сдохли, будет музыка, - Доктор покрутил ручку настройки, шкала тускло засветилась и в динамике зазвучал голос Дина Рида. Марксист из Колорадо пел жизнерадостную песню про Сибирь.

Вика стала доставать из сумки еду, Шахтёр вызвался ей помогать, тем временем Доктор и Сыч показали Мише всю баржу. Спали они втроем в большой капитанской каюте, что-бы не отапливать несколько помещений, а летом, похвастался Сыч, у каждого свои апартаменты, причём с окном и дивным видом на пляж. Когда они вернулись в кают-компанию, Шахтёр уже во всю закусывал:

- Братаны, - пробурчал он с набитым ртом, - не смог удержаться, здесь такие котлеты, как говорил Матвей Ефымыч, завхоз нашего детдома: “Тают в рот!”

Доктор тщательно вымыл руки из алюминиевого бачка со стержнем. Бачок назывался “Водолей”, Миша видел такой-же в колхозе, когда прошлой осенью их класс посылали на уборку урожая картошки. Если стержень чуть

приподнять, из бачка начинала течь вода. Доктор сел во главе стола, рядом с ним устроился Сыч, напротив Миша и Вика. Стол был уставлен закусками, здесь были традиционные винегрет и селёдка под шубой, жаркое со сливами, куриные котлеты и пирожки с капустой. В центре стола лежал кулёк конфет.

- Я вот котлеты очень люблю, - не мог остановиться Шахтёр, - если бы я мог, то ел бы котлеты четыре раза в день, на завтрак, обед и ужин.

- Погоди, - уточнил Сыч, - а четвёртый?

- В обед две, - Шахтёр улыбался.

Из бокового кармана Доктор достал полулитровую бутылку самогона и аккуратно разделил её содержимое на три стакана.

- Спасибо, что пришли ребята, - он поднял стакан, - и за угощения благодарим!

- Спасибо, что спасли меня, - проговорила Вика, - и с Новым Годом!

- С Новым Годом!

Бомжи чокнулись и выпили, залпом и до дна. Потом они жадно ели, затем как-то слишком быстро захмелели и перебивая друг друга стали вспоминать разные истории.

- А помните, как на Ворошиловке от овчарок ломились?

- А как нас менты на Майские закрыли, а мы сорвались через дыру в заборе...

- Мужики, помните табор на берегу стоял? Ах как душевно пели ромалэ... Я тогда их цыганятам, свистки из клёна вырезал, а они у меня потом нож спёрли...

Дин Рид больше не пел, теперь поставленный эфирный голос, рассказывал о том, как мирный и созидательный труд, увеличивает рост народного благосостояния. Вскоре радио само по себе затихло, хотя шкала всё ещё светилась. Тем временем за иллюминаторами стало сереть, хозяйева постепенно забыли о гостях, Вика под столом взяла Мишу за руку.

Когда они уходили, Сыч держал в руках обёртку от конфеты “Белочка” и что-то настойчиво шептал на ухо Доктору. На берегу их догнал Шахтёр, он перевёл дыхание и протянул Вике ладонь, на ней лежал фонарик.

Скорая Помощь остановилась едва Миша поднял руку. В машине пахло спиртом. Когда усатый водитель в огромной меховой кепке притормаживал на светофорах, медики по-очереди пили из стеклянной банки для микстур. Закусывали карамелью “Раковые Шейки”. Водитель включил радио, Магомаев пел про свадьбу, весёлые медики дружно ему подпевали. На Площади Мира, они попали в пробку. Теперь медикам помогал петь водитель, его кепка двигалась верх-вниз, казалось он ещё пританцовывает. Посреди площади в небо взмывал гигантский, ледяной сталагмит, видимо неожиданная зима, застала зрителя фонтана врасплох. Этот фонтан построили, сразу после войны, когда ещё был жив Сталин. Назывался он тогда “Струя Вождя”, когда “лучший друг советских физкультурников” безвременно перебрался в мир иной, фонтан переименовали в “Струю Дружбы Народов”

Вика и Миша сидели на прикрученной к полу кушетке, Миша обнимал девушку за плечи.

- Акоп Ашотович, - обратился к водителю тучный человек в мятом белом халате, похожий скорее на повара, чем на доктора, - включай цветомузыку, молодёжь торопится...

За окном, рассыпав по проезжей части красно-голубые искры, засверкала мигалка, вслед за ней по-волчьи взвыла сирена. Разбуженная стая устроившихся на-ночь голубей, в панике сорвалась с тёплого чердака.

В скверике возле дома, соседские дети возилась вокруг снеговика. Его принарядили, на голову водрузили синее пластмассовое ведёрко, к веткам-рукам пристроили метлу.

- Когда я была маленькой, - Вика поднесла к глазам крупную снежинку, зацепившуюся за ворсинки на варежке, - на Новогодний Утренник, мама наряжала меня снежинкой. Мы тогда жили в военном городке, костюм мама сшила сама, ёлка стояла в Доме Офицеров, замполит играл на баяне: "Маленькой, ёлочке, холодно зимой...". Я танцевала, кружилась вокруг неё, все хлопали... Потом детям дарили подарки, разноцветные пакетики с конфетами... Тогда мне казалось, что в мире нет ничего лучше, этих конфет...

- А сейчас?

- Сейчас, - девушка на мгновение задумалась, - сейчас у меня есть ты...

Они никак не могли расстаться, стояли в подъезде прижавшись друг к другу, в конце-концов они договорились, что Миша вернётся в девять. В это время в подъезд ввалилась весёлая, шумная компания, не дожидаясь лифта они бодро двинули ввех по лестнице. Миша решил проводить Вику до двери. Проехав два этажа, лифт предательски дёрнулся и тихо остановился, в это-же мгновение погас свет.

- По-моему мы застряли... - Миша поставил на пол пустую сумку.

Из подъезда доносились гневные голоса соседей, они не стеснялись в выражениях. Судя по всему, электричество отключилось во всём квартале.

- Миша, только честно, это ты сделал? - раздался щелчок, Вика включила фонарик.

- Даже не сомневайся...

Миша почувствовал, как руки девушки обвили его шею, он чуть нагнулся и растворился в её мягких губах.

Они сидели на сумке, уперевшись спинами в стену лифта, держались за руки и тихо разговаривали. На полу в противоположном углу стоял фонарик, худенький лучик света рассеивался где-то на пол пути до потолка. В световой полосе то и дело вспыхивали беспечные пылинки.

- Волшебнo... - тихо, что-бы их не спугнуть, произнесла Вика.

- А я с детства не верю в чудеса, - пылинки занервничали и бросились врассыпную.

- Почему, - удивилась Вика.

- Как-то раз, я случайно увидел, как бабушка подкладывала под ёлку подарки, а потом говорила, что ночью приходил Дед Мороз...

- А сейчас веришь?

- Сейчас у меня есть ты...

Внезапно потолок лифта замерцал флюоресцентным светом, кабина ожила, качнулась и нерешительно поползла вверх.

Не успел Миша выйти из парадного, как рядом с ним лихо затормозила белая Нива, из неё вышла Ольга Андреевна.

- Вот удачно, - она обрадовалась увидев Мишу, - ты-то мне и нужен...

Она проворно выскочила из автомобиля, обошла его, открыла багажник и достала из него пакет.

- Держи, - она протянула пакет Мише, - С Новым Годом!

В ярком свете фар, Миша рассмотрел ворсистый, клетчатый шарф.

- Красивый какой...

- Это шотландский... Надеюсь тебе понравится!

- Спасибо!

- Это тебе спасибо, - её голос дрогнул, она обняла его и несколько секунд не отпускала...

В серебряном свете полной луны, Миша увидел как в глазах женщины, заблестели крупные слёзы. Они не скатились, просто повисели немножко на ресницах, а потом сами-с собой исчезли.

- Ты домой?

- Да...

- Садись, я тебя подвезу...

На улице окончательно стемнело, окоченевшие от крепкого мороза прохожие торопились по-домам. Движение стало редким, дорога заняла пятнадцать минут. Ольга Андреевна рассказывала о работе в газете, о планируемой поездке к мужу на Кольский Полуостров, куда требовался специальный пропуск.

В парадном уже во всю провожали Старый Год. На лестничной клетке курили захмелевшие соседи, Сергуня аккомпанировал себе на гитаре “Раскинулось море широко”

- О, Мишаня, спаситель, держи краба... - он перестал играть, поправил бескозырку и протянул руку, - присоединяйся...

- Нет, спасибо... Совсем нет времени...

- Ну хоть сотку прими, по-соседски, - Сергуня, характерным жестом щёлкнул указательным пальцем по горлу, - Новый Год-же...

В квартире трезвонил телефон, “Где тебя носит, - голос мамы был сильно взволнован, я тебе целый день не могу дозвониться ...” Поговорив с мамой Миша заскочил в душ, потом быстро переоделся и выбежал из квартиры.

Праздник в парадном продолжался, теперь на баяне играл Петрович, а Сергуня зажав зубами ленточки от бескозырки танцевал матросский танец “Яблочко”. Вместе с ним, размахивая одинаковыми платочками, плясали две соседки, швей-мотористки Комбината Верхней Одежды “Большевик”, Галя и Валя. Они были одеты в одинаковые платья неопределённого цвета. Стоящие вокруг соседи пританцовывали и дружно хлопали в ладоши. Миша протиснулся между ними и выскочил на улицу. Соседи, в честь любимого праздника простившие друг-другу все накопившиеся за год обиды, хором исполняли “Крейсер Аврора”

На остановке Мишу, будто на заказ ждал автобус. Его плоский капот, был едва заметно примят, а круглые прозрачные фары, с тоской разглядывали ночное небо. Миша был единственным пассажиром и сел на самое переднее сидение. В лобовом стекле отсвечивались по-локоть закатанные рукава клетчатой рубашки и крепкие руки водителя.

- Тебе натурально повезло парень, - из-за перегородки отделяющей салон от водительской кабины, раздался усталый, - я последний на маршруте, до конечной и домой...

- Спасибо, что подождали!

- Не за что... День сегодня тяжёлый, ещё и напарник на больничном. Натурально симулирует, у него на каждый праздник ОРЗ. Ты-то куда, небось отмечать?

- Отмечать... Вот за девушкой еду, - не удержался Миша, ему просто необходимо было поделиться с кем-нибудь своим счастьем. Слегка хриплый, но тёплый голос водителя к этому располагал.

- А почему без цветов?

- Какие в декабре цветы?

- Погоди парень, - на светофоре водитель потянулся к бардачку, ловко выудил от туда бумажный цветок и протянул его Мише, - держи вот...

Это был очень искусно изготовленный открытый розовый бутон, лепестки цветка были изящно собраны из тонкой бумаги, внутренняя сторона лепестков была белой, наружная красной. Даже слабом освещении автобуса, чувствовалось сколько любви и таланта было вложено в это творение, - мне дочка подарила, сама сделала. Знаешь как называется?

- Нет...

- Оригами, натурально японское искусство... Я правда японцев не очень, мой дед на Халкин-Голе погиб... А вот дочка увлекается...

- Спасибо конечно... - Миша продолжал рассматривать оригами, - не жалко такую красоту отдавать?

- Натурально жалко... Но для дела ведь. К тому-же у меня ещё есть, она мне их на каждый праздник дарит... Скажешь где, я остановлюсь...

Он затормозил прямо напротив дома, на выходе Миша пожал водителю руку.

- С Новым Годом!

- И тебя парень тоже, натурально...

Дверь открыла Елена Борисовна.

- Здравствуй Миша, с наступающим тебя!

- Спасибо и вас тоже...

- Раздевайся и проходи, Виктория всё равно ещё не готова, - она показала глазами на плотно прикрытую дверь Викиной комнаты. В гостиной работал телевизор: "...На переговорах в Кремле стороны обсудили вопросы, представляющие взаимный интерес. Товарищ Янош Кадар пригласил товарища Константина Устиновича Черненко посетить Венгрию с ответным дружественным визитом. Приглашение было с благодарностью принято..."

Елена Борисовна вышла на кухню и тут-же вернулась:

- Вот, примерь... - на шее у Миши появился мягкий длинный шарф, шоколадного цвета, - буквально час назад закончила вязать... Тебе нравится?

- Очень, - Миша обернул шарф вокруг шеи, - спасибо, Елена Борисовна!

- Это австралийская шерсть, чувствуешь какая мягкая и лёгкая?

- Мне правда, очень нравится!

- Я рада, - бабушка улыбнулась и поцеловала его в лоб, сухими губами.

А потом вошла Вика. На ней был тонкий, белый свитер с рассыпанными по плечам блестящими камешками и клетчатая юбка, чуть прикрывающая колени. Камешки сверкали и переливались, рассеивая по потолку фейерверк искр. Бабушка деликатно исчезла. Миша молчал не в силах выдать себя

слова. Вика улыбалась, понимая его состояние она подошла к нему и взяла за руку:

- Ну оттаивай Кай, оттаивай...

Миша молча протянул ей ладонь, на ней лежала бумажная роза.

- Ой прелесть какая... Это мне? - она взяла оригами в руку, подняла на уровень глаз, - здорово... Она прекрасна!

- Вика, это ты прекрасна!

Девушка улыбалась, продолжая любоваться розой...

Тем временем из коридора донеслись голоса:

- Право не стоило за мной приезжать, я бы и сам добрался...

- Оставьте Юрий Константинович, какие пустяки...

Ольга Андреевна и доктор Павленко вошли в гостиную и остановились на пороге:

- Вот так сюрприз... Не ожидал вас застать, молодые люди, - он поцеловал Вику и пожал руку Мише, - но рад видеть, несказанно рад!

- А мы уже собирались уходить...

- Виктория, как ты себя чувствуешь? - не дожидаясь ответа доктор подошёл к девушке, взял за руку, нашупал пульс посмотрел на часы и хитро улыбнулся, - повышенный...

- Нам правда пора...

- Жаль, что вы не остаётесь, - Елена Борисовна вошла в гостиную со стороны кухни, - Юрий Константинович принёс гитару, мы будем петь романсы. Я обожаю Вертинского!

- Обязательно, душа моя! И вот ещё... - Павленко вышел в коридор и вернулся с бутылкой шампанского, - Советское- значит отличное!

Они вышли в кухню, откуда донеслись приглушённые голоса:

- А что сейчас поют? Ты видела два ряда этих белорусов, да на них пахать можно... Теряем дух эпохи, ох теряем...

- Да Юрочка, да...

Павленко остановил их уже в дверях:

- По-поводу вашего знакомого доктора... Когда я ещё был оперирующий врач, у меня проходил ординатуру молодой талантливый хирург, Коля Глушко. Он делал успехи, одно время мы даже вместе оперировали, потом он перешёл в другую клинику и я потерял его из виду. Последний раз мы встречались в Ленинграде, на семинаре профессора Мильмана. Вчера я сделал несколько телефонных звонков, он исчез года три назад, мне кажется что ваш Кол и доктор Глушко- одно и тоже лицо. В любом случае, я хотел-бы с ним встретится. Может быть после праздников...

С карниза дома угрожающе свисали огромные сосульки, снег отражал серебряный диск луны, было на удивление светло. Миша поставил на землю коробку с шампанским, тортом и мандаринами.

- Вика, - мне что-то расхотелось идти к Полушкиной...

- А как же последний школьный Новый Год? - удивилась Вика.

- Да ладно, ну их всех... Поехали ко мне?

- Поехали, - не раздумывая ответила девушка и нежно улыбнулись. Сосульки на карнизах медленно таяли...

Заказанное такси прибыло вовремя, дороги были пустынные, пожилой таксист угрюмо молчал и вообще выглядел немного подавленным.

- Вы что такой хмурый? Новый Год через два часа! - участливо спросил Миша. Таксист ответил через минуту.

- Чипполину читали?

- Да... - Миша и Вика удивлённо переглянулись, ожидая подвоха.

- Тыкву, что дом строил помните? - продолжил он ещё через минуту.

- Вроде да...

- Смотрите на меня, - он оторвался от дороги и оглянулся, - я и есть эта Тыква! До самого конца поездки его рот больше не закрывался, зато Миша и Вика узнали, где можно достать цемент марки "Портланд" и прорезиненный рубероид, а также цены на кафельную плитку, эмалированную ванну и чешский компакт с бачком.

Веселье в подъезде было в самом разгаре. На межлестничной площадке, вскарабкавшись на табурет, одной рукой придерживаясь за подоконник, а в другой крепко сжимая стакан, произносил новогодний тост заместитель председателя жилкопа, Петрович.

- От имени жилкопа и от себя лично, поздравляю жильцов с наступающим... - голос заместителя утонул в нетерпеливых аплодисментах, - и желаю, что-бы в следующем году в всех было всё...

- Урааа! - заорал балтиец Сергуня.

- Урааа! - поддержали его соседи.

Лавируя между батареями бутылок и тазиками с оливье, вжимаясь спинами в стены, Миша и Вика незамеченными пробрались в квартиру. Миша вздохнул с облегчением, только после того, как закрыл дверь на оба замка.

- Я думаю не стоит зажигать свет, если увидят будут ломиться в гости, - Миша в темноте пробрался на кухню, из посудного шкафа он достал свечу, зажёл её и вставил в стакан, - Вика, ты где?

Она стояла в пальто и завороченно смотрела в темноту.

- Вика! - Миша подошёл к ней совсем близко, даже полумраке было видно, как она побледнела, её била мелкая дрожь, - Что с тобой, моя девочка? - он заглянул ей в глаза, зрачки были расширены до предела.

Поставив свечу он взял её за руку, она вздрогнула, как от электрического разряда.

- Там... Там под водой было очень темно... И очень страшно...

Миша обнял её, прижал к себе и поцеловал в уголок губ.

- Прости меня, я не хотела тебя испугать, - Вика медленно приходила в себя.

- Включить свет?

- Нет-нет... Всё в порядке, давай просто откроем шторы...

Через несколько минут глаза окончательно привыкли к темноте, кроме того уличные фонари давали достаточно света, что-бы нормально ориентироваться в квартире. Миша зажёл ещё несколько свечей и девушка расставила их на полу вдоль стены.

- Вика, я вообще ничего не ел весь день, может поужинаем?

На верхней полке холодильника одиноко скучал лимон. Всё остальное они отнесли на баржу. Пока Миша открывал шампанское, Вика нарезала торт. Тем временем праздник в парадном подходил к кульминации, из-за двери

доносились политические частушки: “Вышел из доверия, Лаврентий Палыч Берия!” - дурным голосом орал Петрович.

Они расположились в Мишиной комнате. Во второй бутылке, шампанского оставалось меньше половины. Вика сидела на ковре, облокотившись спиной на мягкую сидущку дивана, её волосы локонами спадали на плечи. Рядом с ней, на спине лежал Миша, его голова покоилась на её коленях. Огонь свечей легко вздрагивал, реагируя на каждое движение воздуха. Из магнитофона плавно лилась музыка.

- Я люблю блюз, - Миша приподнялся на локте, - это американский музыкант Би Би Кинг.

Фантастическая, вибрирующая трель короля жанра, прервалась виртуозным гитарным соло. Заполнившие комнату потрясающие пассажи маэстро, приятно ласкали слух.

- Теперь и я люблю блюз... - Вика допила шампанское.

- Не помню кто, но очень точно подметил- блюз, это когда хорошему человеку плохо...

Миша повернулся на бок, чуть приподнял свитер и поцеловал девушку в плоский живот, она легко вздрогнула, прикрыла глаза и положила ладони ему на плечи... В это мгновение земной шар слегка качнулась и на секунду сошёл с орбиты. Миша глубоко вдохнул и задержал воздух в лёгких:

- Знаешь Вика, если существует рай, он пахнет именно так...

Они долго целовались, девушка нежно гладила его спину, их одежда давно уже валялась вперемешку на полу. Свечи взволнованно трепетали в такт музыки.

Опомнились они одновременно, будто пробудились от волшебного сна.

- Миша, это всё было на самом деле?

- Я не уверен, мне кажется да, - он целовал её волосы, шею, бархатные плечи, горячую, чуть влажную кожу спины, узкие запястья рук...

- Погоди, а который час?

- Не знаю... Какая разница?

- Действительно...

Шум в парадном прекратился, в тишине было слышно, как из шампанского улетучиваются последние пузырьки с газом. Музыка уже давно кончилась, магнитофон невозмутимо мигал красным глазком. Свечи полностью сгорели, в воздухе витал чуть сладковатый запах расплавленного воска. Вика отказалась включать свет, сияния луны вполне хватало, что-бы Миша мог видеть её силуэт. Она ловко подобрала волосы в пучок на затылке, затем завернулась в простынь и стала похожа на статую античной богини. Поцеловав Мишу, она смущённо улыбаясь ушла в ванную. Её не было долго, Миша несколько раз подходил к двери и прислушивался, как плещется вода. Потом он собрал вещи с пола, повесил их на спинку стула и лёг, заложив руки за голову. Глаза сами собой закрылись, ему снилась Вика. А когда он открыл глаза, сон продолжался...

***

- P.S. - Миша, это тебе...
- Шарф!?
- Это офицерский, парадный, мне его папа подарил, теперь он твой...

Igor Sapozhkov
Шарф © / Scarf ©
July, 2008
Myrtle Beach, SC
igrec@myway.com